

Пророчество Гийома Завоевателя

Бушмин Виктор

Виктор Васильевич Бушмин

Пророчество

Гийома Завоевателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69552202

SelfPub; 2023

Аннотация

Древнее пророчество, способное погубить целую династию. Можно ли его изменить? Тайны истории на фоне увлекательных рыцарских приключений, основанных на реальных фактах.

Виктор Бушмин

Пророчество

Гийома Завоевателя

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Средневековая Франция на рубеже XI-XII столетий. Феодалная раздробленность достигла своих высших пределов. Королевская власть, ослабленная династическими и междоусобными распрями, казалось, навеки дискредитировала себя в глазах знатных владетелей и простого люда королевства. В это сложное и трудное время молодой принц Людовик, будущий король Франции Людовик VI Толстый, принимает на свои плечи трудное и практически невыполнимое бремя: упрочить королевскую власть, вернуть ей утраченный блеск и престиж, усмирить непокорных феодалов и начать возвращать короне утраченные ранее земли и провинции. Труд Людовика Толстого станет краеугольным камнем внешней и внутренней политики французских королей в течение нескольких столетий. Интриги, заговоры, происки врагов короны, численность войск которых могли в одночасье погубить королевство и Капетингов, не испугали Людовика и его верных соратников. Своей опорой на духовенство и моло-

дую рыцарскую «поросль» принц обезоружил одних и наказал других. Многочисленные осады, битвы и походы принца, а в последствии короля, вы сможете прочесть на страницах этой книги.

Для большинства читателей, я надеюсь, будет интересно узнать и о короле Филиппе Первом, которого многие несправедливо считали одним из неудачных и никчемных правителей Франции за всю ее многолетнюю историю.

Факты, изложенные в книге, действительно произошли в те времена. Большинство исторических персонажей существовали и жили в описываемое время...

До сих пор остается загадкой таинственное убийство короля Гийома Рыжего, произошедшее 2 августа 1100 года в Новой Роше. Да простят мне читатели свой взгляд на это и другие исторические события, о которых идет речь в этом романе.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

«КОНЬ»

I ГЛАВА.

В которой начинает сбываться страшное пророчество Гийома Завоевателя.

1087г. Война между королем Франции Филиппом I и королем Англии, и герцогом Нормандии Гийомом I Завоевателем из-за части спорных земель графства Вексен в Нормандии. Завершающий этап войны – осада и штурм города Мант-на-Сене. Король Франции разбит, его армия цепляется за последний укрепленный город.

Снова война. Шестидесятилетний герцог Гийом, казалось, всю свою жизнь только и делал, что воевал. Он поморщился, прищурил глаза – зрение уже начинало подводить его, потом, нетерпеливо и резко повернул голову к мессюру Готье де Кутанс, стоящего неподалеку от него:

– Готье! Почему опять заминка? Мант ведь уже наш?!

Готье де Кутанс, знатный нормандец и верный слуга герцога Гийома еще со времен *«битвы на равнине Дюн»*, развел руками в стороны:

– Сир! Французы упорно цепляются за город! Бои развернулись на узких улочках, где без пехоты коннице трудно пробиваться!..

Гийом снова поморщился, словно у него болел зуб, и резко ответил:

– Коня! Я сам поведу рыцарей в последнюю атаку!

Готье покосился на короля и герцога Гийома Нормандского «Завоевателя».

«Боже мой, – подумал про себя Готье. – Боже мой, у коро-

ля сорвалось это проклятое и запрещенное слово «последняя»! Это – последнее слово из дозволенных трех!»

Готье де Кутанс поежился, словно мороз пробрался к нему под *гамбезон* и кольчугу, обдав могильным холодом.

Король нервно переступал ногами, ожидая конюших, ведших его боевого коня.

– Вот и прекрасно! Мой верный гнедой жеребец и сегодня приведет меня к победе! – Гийом подошел к коню и похлопал его по крупной и мощной шее. Жеребец заржал и стал нетерпеливо бить землю передними копытами, словно уговаривая короля поскорее запрыгнуть в седло.

– Ух, ты! Каков жеребец! – Гийом резко запрыгнул в седло, опершись ногой на услужливо согнутую спину конюшего. – Весь в отца! Кутанс! Помнишь его отца? Как он вынес меня наперерез армии в битве при Гастингсе? Такой же озорной и резкий!

– Да, сир! Помню! Действительно, этот конь – словно копия вашего прошлого жеребца. – Учтиво поклонился Готье де Кутанс.

– Еще бы! Груша не родится от яблони, Готье! Сын, – король снова похлопал по шее коня. – Кровь сама за себя говорит!

Последние годы герцог Гийом сильно потолстел, его часто мучила одышка и боли в брюшине. Но война никогда не учитывает состояние здоровья повелителей, она приходит сама по себе, как весна сменяет зиму, как любовь заполняет пу-

стоту сердца, заставляя отдаваться ей целиком и полностью, забывая о пище и сне. Врачи настоятельно рекомендовали герцогу побереечь свое здоровье, передав, хотя бы на время войны, бразды правления сыновьям.

Но, Гийом, словно заколдованный, раз за разом отказывался, продолжая взваливать на свои крепкие, но стареющие плечи все тяжелеющий и тяжелеющий груз власти.

«Дети. Сыновья! – Грустно ухмыльнулся герцог, ожидая готовности его рыцарей к атаке. – Трое сыновей! И что? Ничего... практически ничего! Старший сын Робер, коротконогий и наивный, постоянно витает в облаках рыцарских идеалов и позволяет одурачивать себя французам во главе с королем Филиппом. Средний – Гийом, пожалуй, самый страшный из всех моих детей. Я его и сам, частенько в душе побаиваюсь! Жадный, подлый... нет слов, чтобы описать. Как же могла природа собрать в одном человеке столько пороков? Да, я – не ангел! Но, даже во мне нет столько гадости и подлости, алчности и корысти, сколько в Гийоме младшем! Хотя... есть еще и младший сын – Анри Боклерк, советники говорили мне не раз, что из него может выйти толк. Но, он – младший сын, он, вряд ли, наследует мой трон. А, ей Богу, жаль...»

Раздумья Гийома прервал коннетабль Нормандии граф Гийом де Оммэ:

– Сир! Рыцари построены в колонну! Соблаговолите подать команду к началу атаки, сир!

Гийом Завоеватель оторвался от раздумий и посмотрел, несколько рассеянно, на коннетабля. Род де Оммэ, еще со времен Роллона, владел наследственной должностью коннетаблей герцогства. Герцог знал верность и преданность старого Гийома де Оммэ, бывшего под его стягом еще при Гастингсе. Гийом повернулся к рыцарям, посмотрел на них своим пристальным, словно прожигающим насквозь, взглядом и произнес, как-то спокойно и обыденно:

– Мессеры. Наша работа. Вперед!..

Гнедой жеребец, казалось, только и ждал этих слов герцога. Он рванулся вперед, увлекая за собой остальную массу тяжелой конницы нормандцев, которая железной лавиной скатилась с вершины холма, господствующего напротив главных ворот Манта и, быстро пожрав расстояние, ворвалась с криками и скрежетом железа в город...

Город пылал. Летняя жара, стоявшая в конце июля по всей северной части Франции, не обошла стороной и Вексен. Теперь же, к ней добавился жар пылавшего города, делая лето еще невыносимее. Главные ворота были разбиты осадными машинами герцога. Одна из створок ворот висела только на верхних петлях, угрожающе накренившись. Вторая створка, вернее сказать – то, что от нее осталось, валялась неподалеку. Надвратная башня была разрушена, ее деревянная надстройка, где раньше размещались стрелки и гарнизон, горела, словно большой факел.

Кони постепенно разгонялись, втягиваясь в узкие, изви-

листые и грязные улочки города. Рыцарская лавина прорывалась к центру города, несясь мимо горящих зданий, мимо рушащихся построек. Пехотинцы герцога и вражеские солдаты в испуге жались к стенам и дверям домишек, боясь быть раздавленными копытами крепких боевых коней...

Вот, за одним из поворотов, герцог увидел французов, пытавшихся организовать оборону. Несколько десятков конных рыцарей что-то кричали испуганным и подавленным пехотинцам, пытаясь выстроить их в плотную стенку. Передние ряды французов, ошетилившись копьями и укрывшихся за импровизированной баррикадой, вряд ли смогли устоять перед натиском железной конной лавины нормандцев. Если бы не...

Внезапно, горящее здание стало рушиться, наполняя пространство грохотом, треском и снопами искр. Конь герцога рванулся в сторону, испугавшись этого огненного фейерверка, испуганно заржал и встал на дыбы, неуклюже заваливаясь на спину. Тяжелое тело всадника тянуло коня назад, он падал, грозясь подмять Гийома под себя. Герцог, не ожидавший такого резкого рывка жеребца, не удержался и выпал из седла. Падая, словно в каком-то замедленном сне, герцог Гийом увидел испуганные горящие глаза жеребца, его ослепительные зубы раскрытой морды. Гийом упал, словно тяжелый куль с мукой, на мощеную камнем улицу. Его тяжелая кожаная броня, сделанная на совесть и проклепанная стальными пластинками, не позволила ему резко вскочить на ноги

или, хотя бы увернуться из-под копыт. Жеребец, его любимец, сын того самого коня, служившего ему всю английскую кампанию и спасшего его жизнь на поле Гастингса, упал на герцога, потом, резко и испуганно вскочил и несколько раз, переступая ногами, ударил своими крепкими копытами по животу герцога. Гийом потерял сознание...

Нормандцы в панике подняли тело герцога Гийома и на руках вынесли его из горящего города. Вечером этого же дня, части герцога Гийома Завоевателя оставили город Мант-на-Сене и, выслав герольдов к королю Франции, запросили перемирия, согласившись на все уступки. Выигранная, как казалось еще утром, кампания сегодня вечером завершилась... поражением.

Филипп Французский, сидя в цитадели города Мант-на-Сене, недоумевал и просто окаменел от неожиданного известия.

«Победа? Победа. Победа!!!» – Филипп тряхнул головой, словно прогоняя сон. Он не верил своим ушам, отказывался верить своим глазам. Перед ним стояли герольды его грозного противника и умоляли о мире и высочайшем снисхождении...

– Из любви к Господу и во имя Мира Божия! Мы, король Франции Филипп, принимаем условия мирного соглашения и заявляем, что территория нормандского графства Вексен с кастелянством Шомон, городами Понтуаз и Мант-на-Сене, вплоть до реки Эпта и крепости Жизор, отныне и навсегда

принадлежит короне Франции!

Герольды поклонились и покинули короля Филиппа...

Этой же ночью, скорбная и медленная процессия, состоящая из рыцарей и приближенных герцога Нормандии и короля Англии Гийома Завоевателя, во главе которой ехала большая крытая повозка, направилась в Руан. Раненый герцог стонал, не приходя в сознание, когда повозка прыгала и раскачивалась на ухабах дороги. Слуги со всей осторожностью сняли тяжелую броню герцога и уложили его тучное тело на меха, устилавшие походную постель.

«Море... стрела... конь. — Стонал в бреду герцог. — Конь... стрела и море...»

Слуги и приближенные могущественного властителя, которого опасалась вся Европа, недоуменно переглядывались между собой. Они не могли понять разрозненные слова, бросающиеся в бреду герцогом. Это были слова страшного пророчества...

Гийом стонал, плавая в волнах жара и бреда, сопровождавших его после ранения. Тело его горело, словно жарилось на раскаленных адских жаровнях. Герцог стонал и, все больше и глубже, погружался в забытие, ныряя в мир иллюзий...

Гийом увидел себя снова молодым, полным сил и надежд. Он с интересом наблюдал за самим собой со стороны. Молодой, высокий и статный, красивый, сильный и бесстрашный герцог видел себя словно с высоты, как бы разглядывая

сквозь зыбкую дымку утреннего тумана.

Да. Гийом вспомнил. Это, как раз, происходило в 1057 году, во время похода в земли соседней Бретани...

II ГЛАВА.

Пророчество.

За тридцать лет до описываемых событий. Западная Бретань.

«Слуги притащили к герцогу связанного старика, по слухам – видного и важного друида. Герцог вышел из палатки и посмотрел на связанного старца. Длинные, словно из чистого снега, волосы, покрывали голову друида. Белые волосы на голове, усах и длинной бороде, казалось, резко контрастировали с орлиным профилем и горящими, словно адские костры, глазами друида. Гийом приблизился и всмотрелся в них. Старик принял немой вызов герцога и стал пристально смотреть на Гийома. Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

– Развяжите старика, остолопы! – Спокойным и стальным голосом произнес герцог.

Слуги и воины развязали старика. Друид, не спеша, поднялся и встал на ноги, растирая затекшие от тугих веревок руки. Он молчал, но не отрывал свой взгляд от герцога.

– Ты знаешь, старик, кто я? – Спокойно спросил Гийом.

– Знаю. – Ответил друид.

Гийом улыбнулся. Ему понравился старик, понравился, прежде всего, своим спокойствием и отсутствием раболепия, которое охватывало многих при виде грозного нормандского герцога.

– И, кто же я? – Улыбнулся герцог. – Скажи, старик, не бойся...

– Ты – Гийом Бастард «Окаянный», только и всего... пока... – произнес друид, глядя в глаза герцога.

«Удивительный старик. – Восхитился Гийом. – Так спокойно ответить мне, к тому же, обозвав меня при этом...»

– Что означает «пока», старик? – Грозно нахмутив брови, спросил Гийом.

Слуги и рыцари, стоящие возле герцога, схватились за мечи и секиры. Гийом сделал жест рукой, приказывая им остановиться.

– Отвечай на вопрос, старик... – снова, но уже холодным и спокойным голосом спросил герцог друида. – Отвечай вдумчиво. Ибо, только в моей власти находится сейчас твоя судьба, старик...

Друид посмотрел на рыцарей, окружавших герцога, потом перевел свой взгляд на Гийома, и произнес, медленно и спокойно:

– Ты не располагаешь даже властью над собой. А что тогда говорить обо мне. Ты, даже не знаешь, что произойдет с то-

бой к закату, но смеешь говорить, что держишь мою судьбу в своих руках...

Гийом еще больше удивился ответу друида. Рыцари зашевелились, готовые разрубить несчастного...

– Ты – очень смелый, старик. – Засмеялся Гийом, по его спине пробежал холодок испуга.

Друид пожал своими худыми старческими костлявыми плечами, выступавшими из-под его беловатых одежд, перепачканных травой и грязью.

– Пойдем, старик, в мою палатку. Там мы поговорим спокойнее... – Гийом сделал жест, приглашая друида войти в палатку, стоявшую неподалеку.

Рыцари и слуги пошли, было, за ними, но, герцог сделал им повелительный жест, сказав:

– Оцепите палатку и оставьте меня наедине со стариком...

Они вошли. Гийом сел в походное кресло, покрытое волчьей шкурой и, указав старику на стул возле себя, произнес:

– Присядь, старик. Если желаешь, откушай, чем бог послал...

Герцог указал на стол, ломившийся от вина, мяса и фруктов.

– Спасибо, великий герцог... – спокойно ответил старик, но взял со стола только хлеб.

– Так, почему же, я не властен над собой и тобой, старик? – Снова задал вопрос Гийом.

Друид отложил хлеб и пристально посмотрел на герцога:

– Потому что, Гийом, ты прибыл сюда... только для того, чтобы увидеть и услышать меня.

Гийом, пивший вино из кубка, чуть не поперхнулся от этой наглости, сказанной стариком:

– Старик! Да ты, случаем, не ополоумел, увидев меня?! Неужели, ты решил, что я – Гийом Нормандский, потомок великого *Роллона*, пришел в Бретань только для того, чтобы увидеть тебя – жалкого и худого старикашку?!

Друид улыбнулся в ответ:

– Мне так сказала твоя судьба...

– Моя судьба?!

– Да, твоя судьба...

Гийом опешил. Такой наглости он не встречал еще в своей жизни. Но, слова старика, казалось, заинтересовали его не на шутку.

– И, что же сказала тебе моя судьба?

– Ничего. У тебя очень много накопилось вопросов к жизни,... Ты устал искать на них ответы. Ты практически перестал спокойно спать, стал злым и раздражительным по пустякам...

– Подумаешь! Ты – хороший лекарь, раз прочел на моем лице, что я не спал несколько дней. Да, у меня мешки под глазами, я выгляжу утомленным, только и всего...

Старик пожал плечами:

– Раз, ты так считаешь...

Гийом снова удивился. Он соврал старику. Но, старик,

словно умел читать его мысли, что очень испугало и, одновременно, заинтересовало герцога.

– Да, старик. Ты прав. Я совершенно потерял сон и покой в последние годы. Меня мучат вопросы, очень много вопросов...

– Вот. Теперь я вижу настоящего Гийома, рожденного *Робером «Дьяволом»*.

– Не смей так называть моего великого отца, старик! – Сверкнул глазами Гийом.

Его рука легла на холодную резную рукоять меча, принадлежавшего его отцу.

– Хорошо, герцог. Но, согласись, что какая-то, словно неведомая, сила тебя тянула в эти края. Ведь, ты и сам прекрасно знаешь и отдаешь себе отчет, что особого интереса проливать кровь за эти мертвые и гнилые болота нет смысла. Верно? Иное дело – равнинная Бретань...

Гийом был поражен спокойствию и рассудительности старика, он молча согласился с ним. Действительно, последнее время, какая-то неведомая сила влекла его в болотистые части Бретани, вызывая недоумение и сопротивление со стороны многих его верных баронов и сеньоров. Разумнее, куда разумнее, было бы атаковать равнины Бретани, ее богатые города, захватить порты и крепости, увеличив владения и укрепив свою власть на всем Севере Франции.

– Тогда, скажи мне, старик... – начал, было, Гийом. Но, друид, словно предугадав его вопросы, ответил:

– Я дам тебе ответы на все твои вопросы, которые мучают тебя, лишая покоя...

Герцог даже немного привстал в своем кресле от неожиданных слов друида:

– Старик! Могу ли я верить тебе и твоим пророчествам?

Друид поднял свои горящие глаза, и, казалось, прожег насквозь герцога Гийома:

– А я ничего прямо не скажу тебе, великий герцог.

Старик встал и низко поклонился Гийому, произнеся:

– Все, абсолютно все, Гийом Незаконнорожденный, находится в твоих руках. Только ты, только один и сам, вправе решить, как поступать. Я – только провозвестник судьбы. Мои слова – туман, прикрывающий правду. Дальше – дело твое...

Гийом сел, взял себя в руки:

– Вещай, ведун...

Друид вынул несколько камней разного цвета и, начертив куском угля, круг на покрывале стола, бросил камни...

– Пошли двух своих слуг, самого преданного и самого ненадежного, срезать две ветки от одного дерева. Верный слуга, пусть повяжет ветку красной материей...

Гийом крикнул слуг и приказал позвать двух рыцарей. Одного – Гийома де Оммэ, второго – Гуго де Биго, великого коннетабля Англии. Он приказал им, к их немалому удивлению, исполнить просьбу старика, срезав ветви с одного дерева...

Гийом смотрел на камни, разбросанные стариком по сто-

лу. Три камня, повернувшись белыми боками вверх, лежали на трех краях круга. Остальные – разноцветные, но, в основном – черные, лежали, сгрудившись у другого края круга.

– Ну, и что значат эти камни? – нетерпеливо спросил Гийом, ерзя в кресле.

Старик долго смотрел на них, потом вышел из палатки, снова вернулся и произнес:

– Белые камни, лежащие на востоке, севере и западе означают удачу для тебя. Остальные, сгрудившиеся на юге – беды, горести и проблемы. О! Что я вижу...

Гийом напрягся:

– Что? Что ты видишь, старик?..

– Видишь, я нечаянно отделил север лужицей вина?

– Да, вижу...

– Север станет твоим, но, сначала, будет штормовое море, потом – прольется море крови...

Гийом задумался. Его давно беспокоила призрачная мечта стать королем Англии, раздираемой смутами из-за слабостей *Эдуарда Исповедника*, которому он приходился отдаленным родичем...

– Тебя ждет слава на востоке и западе...

– Да? А, ведь, твоя Бретань, старик, как раз – на западе от моих владений...

– Верно, великий герцог. Только править будешь не ты... и не в ближайшее время...

Гийом засмеялся, он принял слова старика за испуг...

– Ничего, старик, я – терпеливый человек.

– Нет, не обманывай себя, герцог! Ты – сам огонь! Это вода может терпеть и медленно обтачивать края камней, делая их гладкими и ровными...

– Значит, старик, север будет мой? Север принесет мне славу и богатства?

– Нет. Славу и богатство принесешь себе ты сам.

В это время слуга передал герцогу две ветки, срезанные рыцарями. Гийом, ничего не понимая в гаданиях, отдал их друиду.

Старик друид взглянул на них мельком и снова присмотрелся к камням. Его лицо покрыли морщины раздумий. Он стал перебирать камни, лежащие в южной кучке...

– Гийом. Если хочешь жить долго и править счастливо – забудь о юге...

Герцог рассмеялся:

– Старик! А ты, часом, не лазутчик короля франков? Почему, ты так упорно и настойчиво отговариваешь меня от юга? Франция слаба, короли ее жалки...

Старик посмотрел на герцога, вздохнул, и произнес:

– У твоего рода было всего два случая, чтобы узнать и поправить свою судьбу. Первый случай использовал твой датский предок...

– Да? Роллон спрашивал у тебя совета? – Не сдерживая смеха, сказал герцог.

– Нет. Меня тогда еще не было. Он спрашивал у того, кто

был задолго до меня, но, который хранил, подобно мне, нити судьбы в руках...

Гийом немного смутился:

– Прости...

– Забудь о юге, или юг поглотит тебя и твоих сыновей.

Твое семя исчезнет, хотя...

– Что «хотя»?

– Прости себя и семя свое, покайся, не греши, не убивай, живи, как живешь сейчас. Не желай большего, ибо оно поглотит весь твой род...

Гийом разозлился. Его стала уже порядком утомлять несвязная болтовня друида:

– Старик. Как мне жить – я решу сам. Правильно?

– Правильно, великий герцог...

– Вот, и прекрасно. – Герцог рассмеялся и потер руки. – Я внемлю твоим словам, на какое-то время...

– Запомни мои слова. Море, стрела и конь дадут тебе все, о чем только могут мечтать в этом мире обыватели...

– Море. Стрела. Конь... – задумчиво, словно в забытии, повторил герцог Нормандский.

– Да, великий герцог. Именно, в такой последовательности. А – конь, стрела и море отнимут у тебя и твоего рода все, что дали тебе ранее. Если...

– Что «если»? Говори, не бойся! Я озолочу тебя!!!

– Если ты произнесешь три раза слово «последний» и, если ты поднимешь меч против Юга.

– Так просто?! – Удивился Гийом. – Да, ради Бога! Я, вообще, прикажу запретить писать и произносить слово «последний», будем говорить другие слова, сходные смыслом...

– Вот! Ты уже один раз произнес это слово! Берегись, герцог! Судьба уже встряхнулась и чутко наострила уши, всматриваясь в тебя...

– Ой, ой, ой...

– Береги себя и свое семя. Не заставляй судьбу обнажить свои страшные зубы, герцог...

– Я понял, старик. Я обязуюсь исполнить слова пророчества. Но, как мне сказать своим людям, о запрещении произносить это треклятое слово?

– Пригласи писцов и знатных сеньоров. Я сам оглашу твою волю, великий герцог...

Гийом крикнул слуг и рыцарей. Через некоторое время в его палатке собрались все знатные сеньоры, пришли трое писцов. Друид встал и, посмотрев на герцога (Гийом кивнул ему), произнес:

– Сеньоры! Великий герцог Нормандии, с сегодняшнего дня и до скончания своих веков повелевает запретить в его присутствии произношение и написание слова «Последний» в любом смысле и роде!

Рыцари и сеньоры недоуменно переглядывались между собой, вопрошающе посматривая на герцога. Гийом встал:

– Повелеваю исполнять слова, сказанные старцем и записанные на пергаментax!..»

Прошли годы. Пророчество сбывалось. Море подарило герцогу Англию. Стрела убила в кровопролитном сражении при Гастингсе его соперника – *Гарольда Английского*. Конь вынес герцога перед бегущей армией, которая поверила слуху о его гибели. Армия, увидев Гийома живым и невредимым, разбила англичан и принесла под копыта его коня Англию...

Только, одно маленькое событие иногда тревожило короля и герцога. Когда пал его старый конь, он приказал привести нового жеребца. Бой при Гастингсе входил в свою кульминацию, фланг нормандцев стал в панике отступать, не выдержав ливня английских стрел. Слуги замялись, забыв о «запрещенном слове», когда один из конюших, ведя под уздцы бешеного гнедого могучего жеребца, произнес впопыхах: – Сир! Этот жеребец – последний!..

Герцог вздрогнул, но плюнул на судьбу, вскочив на коня...

Судьба встала на свои лапы и обнажила жуткие зубы неизбежности...

«Два раза из трех дозволенных! Плевать! Еще один раз!» – Думал герцог, пришпоривая коня...

III ГЛАВА.

Воля Гийома Завоевателя.

Руан. Нормандия. 10 сентября 1087 года.

Гийом очнулся, весь в поту. Мучительно болел живот, словно раздираемый изнутри тысячами острых и раскаленных ножей. Герцог попытался вздохнуть и вскрикнул – острая боль, словно игла, пронзила его правое легкое.

– Повелитель очнулся! Герцог Гийом пришел в себя! – За шумели вокруг короля слуги, созывая придворных и лекарей, отлучившихся куда-то от ложа монарха.

Гийом тяжело вздохнул и снова прикрыл глаза. Боль охватывала все его тучное, растоптанное копытами коня, тело, делая буквально малейшее движение сущей пыткой. Он снова собрался с силами и открыл глаза. Над ним склонились лекари и несколько придворных. Герцог облизал пересохшие губы и попросил пить. Слуги протянули королю-герцогу вино.

– Нет, дайте воды... – еле слышно произнес король Гийом.

Попив воды, Гийом вдруг поймал себя на мысли, как может быть прекрасна и упоительна простая ключевая вода.

«Боже! Как же я глубоко заблуждался в своей жизни, пренебрегая простыми и прекрасными вещами, отрицая обычную простоту и радость жизни...»

– Как вы себя чувствуете, сир? – осторожно спросил Гийома монсеньор Ланфранк, архиепископ Кентерберийский.

Гийом Завоеватель скривился в ответ. Ланфранк, преданный ему священник, родом из Италии, обязанный Гийому

всем и верный, как собака, стал молиться за здоровье короля-герцога.

Гийом повел глазами, которые еще застилал туман слабости, и увидел своего сводного брата Эда – епископа Байе.

– Эд, брат мой, молись за душу мою...

Эд склонился над Гийомом и прошептал:

– Что вы, сир и брат мой, вы еще поправитесь. Мы все, денно и нощно, молимся о вашем скорейшем выздоровлении.

Эд отошел от тела короля-герцога и украдкой перекрестил его.

К телу короля приблизились остальные придворные, среди которых Гийом узнал великого коннетабля Англии Гуго де Биго, коннетабля Нормандии де Оммэ, графов Нортумберленда, Уорика, Варенна.

«Воронье. Уже собираются возле моего тела. – Подумал, глядя на них, Гийом Завоеватель. – Не дождетесь. Я еще...»

Острая и резкая боль пронзила тело короля, выгнув его судорогой. Придворные зашептались. Гийом приподнял голову и произнес:

– Сеньоры и сановники королевства. Я, Божьей милостью, король Англии и герцог Нормандии Гийом, повелеваю...

Сознание снова покинуло короля. Он бессильно раскинулся на подушках. Придворные испуганно смотрели на умирающего монарха. Они ждали его последнюю волю.

Гийом снова пришел в сознание. Он позвал своего дядю,

архиепископа Руана, своих кузенов – епископов Лизьё и Авранша и Эда епископа Байе, которым стал диктовать свою последнюю волю. Все они были нормандцами, его ближайшие родичи, верные и преданные короне люди. Гийом долго перечислял дарения и милости различным монастырям, аббатствам и святым местам, которые тут же фиксировали трое молчаливых писцов-монахов.

Наконец, Гийом дошел до самого главного и основного вопроса – определение наследника. Многие сеньоры и прелаты склонялись к старшему сыну герцога – мессиру Роберу Коротконогому, или Куртгёзу, как его называли на французский манер. Простой, открытый и благородный Робер Куртгёз, казалось, целиком и полностью олицетворял идеалы рыцарского поведения. Но, Робер недавно поднял мятеж против своего отца, требуя себе Нормандию как можно скорее. После нескольких стычек, осады нескольких замков Гийом Завоеватель проклял своего старшего сына, чем сильно перепугал местную нормандскую знать.

– Сир! Кому вы желаете передать трон и земли, собранные вашей могучей дланью? – Осторожно спросил Гийома Гуго де Биго, приблизившись к королю после окончания его совещания с прелатами.

– Нормандию мы отдаем нашему старшему сыну Роберу... – еле слышно произнес король.

Гуго де Биго удивился. Робер Куртгёз, простодушный, доверчивый и чересчур наивный был просто идеальной фигу-

рой для знати, надеявшейся на сильное послабление в налогах и повинностях, которые ввел Гийом Завоеватель. Надежда на восстановление «былых вольниц», с их частными войнами и правом чеканки монеты прельщала многих баронов Нормандии. Но, на самом деле, Гуго де Биго, как и большинство баронов королевства, мечтали об анархии и возможности «половить в мутной воде рыбки». Поэтому, Гуго, в надежде на возможность обогащения с нескольких сторон, «поставил» на обоих братьев, тайно поддержав Гийома Рыжего и выслав ему в помощь пятьдесят проверенных рыцарей. Эти воины служили для обеспечения безопасности принца, но, на самом деле, просто присматривали за его действиями.

– Вы прощаете Робера, сир? Вы снимете с него отеческое проклятие и дадите свое благословение, сир? Ваши слова можно понимать, таким образом, сир? – Заискивающим, несколько дребезжащим голосом, спросил Гуго де Биго.

Гийом приподнялся на подушках, его лицо налилось кровью и сделалось пунцовым:

– Нет! Я не прощаю Робера!..

Гуго посмотрел на знатных сеньоров, стоявших неподалеку, сделав вид, что сильно расстроен. Графы Нортумберленд, Уорик, Варенн, де Омаль и Готье де Кутанс стоявшие неподалеку, незаметно кивнули ему, что поняли все слова короля. Готье де Кутанс незаметно покинул короля и тайно отправился в замок Арк, где прятался Робер Куртгёз.

Монсеньор Ланфранк, архиепископ Кентерберийский, на правах высшего прелата королевства задал вопрос Гийому:

– Сир! Король и герцог наш! Перед лицом Господа Бога и Святой Троицы прошу вас назвать имя вашего преемника на престоле Англии! Назовите, кого вы желаете видеть нашим верховным сюзереном!

Гийом застонал. Он перевел взгляд на Ланфранка и тихо произнес:

– Вверяю Англию Господу...

Ланфранк и остальные священники приблизились к королю:

– Сир! Повторите еще раз, если можно – громче. – Произнес Ланфранк. – Сир! Мы милостиво просим вас назвать вашего преемника на престоле Эдуарда Исповедника, сир.

– Мы, Божьей милостью, король Англии Гийом, вверяем корону Англии Господу и Святой Троице... – снова тихо сказал король.

Сеньор Годфруа де Жиффар переглянулся с графом де Мандевилем и графом де Богуном. Граф де Мандевиль незаметно кивнул одному из своих слуг, который тотчас покинул комнату и поспешил в порт. Эти бароны поддерживали среднего сына герцога Гийома – Гийома Рыжего, надеясь на обогащение в случае прихода Гийома Рыжего к власти.

Архиепископ Кентерберийский еще раз попытался спросить короля об Англии, но Гийом прервал его, сказав:

– Вручаем Генриху, нашему младшему сыну, пять тысяч

фунтов... серебром и мои замки Норвич, Торнхейм, Мальборо... с правом суда...

– Сир! Скажите вашу волю относительно Англии, умоляем вас! Можно ли считать, что Англию и Нормандию должен наследовать ваш старший сын Робер?

– Нет! Англию мы вверяем Господу! Еще...

Священники столпились над королем Англии.

– Направьте мои покаянные письма в адрес всех владетелей и знатных сеньоров, коих мы обидели. В гневе или в спокойствии, но обидели. Городу Мант-на-Сене, пострадавшему в ходе последней, – Гийом усмехнулся, ему нечего было больше бояться произносить это «запретное слово». – Нашей, последней, кампании. Так вот, городу я завещаю три тысячи марок стерлингов серебром на восстановление церквей, храмов, зданий и стен...

Все. Все? Все...

– Гуго... – тихим голосом позвал де Биго Гийом Завоеватель.

– Да, сир! Я здесь и слушаю вас. – Гуго де Биго живо подскочил к ложу монарха, надеясь на предсмертный дар короля.

– Гуго, помнишь ли ты нашу битву при Гастингсе?

– Да, сир, как не помнить...

Гийом внезапно засмеялся, тихо и неожиданно:

– Помнишь, как мессир Гийом де Тайлефер вдруг, прямо посреди кровавого сражения, запел во всю глотку «Песнь

о Роланде»? Гуго, помнишь? Как он врубился в укрепленный палисад на коне и со своим большим *мечом-бастардом*, где укрывались *хускарлы* личной стражи короля Гарольда Несчастливого, царствие ему Небесное? Да, как же мы все смеялись потом! Мессир Гийом так пропел своим голосом «Песнь о Роланде»...

– Сир, это было весело...

– Да, Гуго. Мы были с тобой молоды, полны сил, надежд. Мы были... счастливы тогда. Просто счастливы и всё...

– Да, сир. И, это – всё? – С надеждой в голосе спросил Гуго де Биго, еще надеясь на какое-нибудь дарение.

– Да, это всё, Гуго...

Гийом вздохнул полной грудью. Он удивился, не почувствовав боли, мешавшей ему нормально дышать до этого. Тепло короля, тучное и тяжелое, вдруг показалось Гийому пушинкой. Боль отступила, просветлив голову и мысли короля. Гийом вдруг нахмурил лоб, вспомнив слова старинного пророчества. Оно сбывалось, точно и правильно...

Море. Стрела. Конь. Эти три слова дали Гийому все. Дали власть, славу, богатства. Дали Гийому Англию, богатые луга и города которой безраздельно и безропотно подчинились его железной воле.

Гийом вздохнул. Три «запретных слова»! Будь ты проклята, судьба! Ты ухватила меня, словно волк кабана, своими жуткими «клыками Рока»!

Внезапно, Гийом вскрикнул, вспомнив об окончании про-

рочества!

Его род, его семья погибнет после него! Он пошел на «запретный» Юг! Смерть и гибель его рода на Юге, оттуда же и придут новые хозяева Англии и Нормандии?! Нет! Боже мой, что же, я наделал! Прости меня, Господи, раба неразумного и грешного!..

Голова короля безжизненно упала на подушки. Гийом Завоеватель, потомок величайшего проходимца и авантюриста средневековья Роллона Датского, незаконнорожденное дитя любви герцога Робера «Дьявола», скончался во дворце Руана 10 сентября 1087 года.

Ясное осеннее небо, словно в плаче над умершим герцогом, вдруг резко затянулось свинцовыми тучами и на головы людей упало буквально море воды. Природа плакала над телом великого человека, сильной личности, железной хватки которого боялась вся Европа.

Вместе со смертью этого великого человека, полного страстей, жившего среди крови, подлости и предательств, по Европе, со скоростью вестников распространилась загадочная история. Многие искажали и переиначивали ее, добавляя что-то свое и от себя. Некоторые детали стерлись, но, смысл ее сохранился. Герцог дерзнул поспорить с грозной судьбой, за что и поплатился. Напрасно старались нормандские сеньоры и двор короля Англии замять и замолчать последнюю часть пророчества друида.

«Конь. Стрела. Море. Эти три вещи погубят тебя и твой

род, герцог Гийом» – гласила ее вторая часть.

«Конь» уже исполнил часть пророчества...

Оставались еще загадочные слова «Стрела и Море»...

IV ГЛАВА.

Филипп Французский «Грешник».

Замок Сент-Круа возле Парижа. 1087 год.

Филипп Грешник, он же – король Франции Филипп Первый Капет, сидел в каминной комнате небольшого дворца в замке Сент-Круа. Даже дворцом трудно было назвать это небольшое, наполовину каменное здание, приютившееся в дальнем углу внутреннего двора замка. Большой донжон, нависающий над дворцом и господствующий над замком, был мрачным, сложенным из каких-то серо-бурых камней, сооружением. Он жутко и уродливо загромождал небольшое пространство цитадели, своим внешним видом подавляя округу. Филипп втайне гордился своим новым донжоном и замком, хотя, и это было правдой, многие знатные владельцы уже отстроили более высокие и более грозные башни. Даже его вассалы из семейства Рошфоров умудрились отстроить грозную и высокую башню Монлери, постоянно плачась и жалуясь на отсутствие денег и средств.

Филиппу исполнилось недавно тридцать четыре года. Он

располнел и абсолютно не желал следить за своим здоровьем, кривясь в ответ на все советы и пожелания придворных лекарей, окружавших его. Напротив, Филипп чувствовал себя прекрасно. Его крепкий характер и железная психика делали его, как бы, неуязвимым и толстокожим, защищая от врагов. А врагов у короля Франции было предостаточно. Мало того, власть королей так ослабла за последние сто лет, что даже в пределах своего фамильного королевского дома он не ощущал себя в полной безопасности.

Замки, башни и укрепленные частоколами холмы, тут и там, воздвигались на его землях. В этих «вороньих гнездах» сидели рыцари и прочие родовитые сеньоры, грабившие купцов и прохожих, совершая наглые выходы в отношении церквей и монастырей, третировали и истязали население и монахов.

«Пускай балуют на здоровье», – сказал как-то Филипп, когда до него дошли слухи, вернее сказать – факты, о жутких и леденящих душу католика «похождениях» знатного барона Тома де Марля.

– Марль – преданный и храбрый рыцарь, верный короне и своему вассальному долгу перед королем. Мало ли чего он «натворил», зато его отряд постоянно, по первому зову прибывает для моих нужд. – Ответил Филипп кому-то из священников, вздумавших подать жалобу королю.

Действительно, Филиппу, при всей его кажущейся медлительности, апатии к делам и лени, удалось многое. Да. Фи-

липп, пожалуй, единственный из третьей династии франкских королей, не разбазаривал свой домен, как это делали его предшественники. Его отец и дед, привлекая на свою сторону знать провинций, бездумно ослаблял себя, выдавая владения, титулы и привилегии. Именно его предки, так глупо и бездарно утратили влияние вдоль Луары, своими руками создав будущее могущество графов Анжу. Им, первым королям из династии Капета, не хватило кругозора и взгляда в будущее, иначе, они бы не создали грозных графов из Блуа-Шампанского дома, которые быстро «освоились» и утвердились на землях Гуго Великого.

Филипп, которого все называли «обжора, сластолюбец, великий ленивец», тихо и незаметно округлял свои разрозненные владения. Где – лаской, подкупом и обманом, где – силой и хитростью, но Филипп действительно стал «первым собирателем земель» в длинной череде последующих за ним королей Франции. Но, об этом позднее, и не в этой книге.

Хитрый король Франции не любил спорить и, даже, как-то сроднился с образом лентяя и грешника, который приписывали ему окружающие сеньоры и монахи.

– Так, значительно проще и, пожалуй, легче жить, другой Мишель. – Ответил однажды Филипп своему придворному Мишелю де Немуру. – Пускай, все считают меня таким. Мне же легче...

Так, прикидываясь простачком и лодырем, наплевавшим на заботы о церквях и нуждах страждущих, Филипп медлен-

но, но уверенно развивал и укреплял свой домен, увеличивая доходы от него.

У Филиппа, как, пожалуй, у любого из королей того времени, было крайне мало друзей. К тому же, у «бедного» короля их вообще может и не быть. Все же, Филипп был «богат». Богат я, прежде всего, своими верными и преданными людьми, хотя, порой, и среди них находились проходимцы и сребролюбцы.

Его двор составляли, в основной своей массе, рыцари мелкого или среднего достатка, жившие в его домене и владевшие ленами из рук короля. Но, те, которые были с Филиппом практически с самого посвящения его в рыцари, оставались, верны и преданы ему.

Мишель де Немур входил в ближний и самый доверенный круг друзей. С ним король охотно и часто откровенничал, позволяя себе, иной раз, вслух произносить секреты и тайны, огласка которых могла стоить ему головы.

Филипп частенько вспоминал свое детство, те недолгие годы, когда он, молодой и беззаботный мальчик был, по-настоящему счастлив. Всего несколько лет. Сущая малость в потоке мерзких, безликих и гадких последующих лет правления.

Детство, а, вместе с ним и счастье, быстро закончилось со смертью его отца, несчастного короля Генриха, внука Робера Благочестивого. Его мать – русская княжна Анна Киевская, мало уделяла внимания своему сынишке, почему-то невзлю-

бив свое дитя. Скорее всего, так она пыталась мстить своему нелюбимому, угрюмому и невезучему супругу Генриху, которого, словно в насмешку, позднее прозвали «Благочестивым». Все его благочестие сводилось, пожалуй, к мягкому и пугливому обращению с католическими священниками, которые стали именно с его правления позволять себя многое, в том числе и право, лезть в личную жизнь монарха.

Филипп с шести лет был уже помазан на царство в соборе Реймса. Через два года умер его несчастный отец. Умер тот, которого Филипп любил больше всех на свете. Умер его любимый отец, которым он дорожил и которому он, в последствии, будет сочувствовать...

Мальчик рано, слишком рано, повзрослел. Жизнь, перемалывающая и переламающая юного Филиппа, ускоренными темпами заставляла его взрослеть. Король Франции прекрасно усвоил одну истину: «молчать о своих мыслях». Клише, пришитое ему матерью, звавшей его за глаза «дурачком» или «плодом пьяной ночи», стало служить ему хорошей защитой.

Прекрасная, емкая и цепкая память короля была запрятана глубоко в недра его сознания. Наверх же, для всеобщего обзора и успокоения, Филипп извлек и надел маску «слабой памяти» и «несуразности». Это, не раз спасало и выручало Филиппа, открывая перед ним действительные лица и предполагаемые поступки его врагов, не опасавшихся юного «полудурка» Филиппа.

Вдовствующая королева Анна Киевская, практически сразу, вышла замуж за пожилого, но крайне знатного и богатого сеньора де Валуа. Формальным опекуном молодого принца и короля Филиппа стал граф Бодуэн V Фландрский, его дядя.

Бодуэн V был натурой увлекающейся, непостоянной и, можно сказать, творческой, если это слово уместно для того времени. Несмотря на склонность к фламандскому авантюризму и различного рода приключениям, граф Бодуэн честно исполнил свой долг опекуна, сохранив жизнь, здоровье молодого короля Франции, не допустил разворовывания его маленького и разбросанного по всему северо-востоку королевства домена. Он пошел «дальше», женив юного Филиппа на своей дочке Берте Голландской.

Молва также приписывала графу Бодуэну V первые «амурные уроки» юного короля, которые так понравились подростку, что, со временем стали, чем-то похожим на хобби. Но это – не самое главное...

Главным же было то, что Филипп научился править страной. Да, внешне это выглядело, словно худая копия с великолепной картины, если сравнивать с правлением его злейшего врага – герцога Нормандии и короля Англии Гийома Завоевателя. Но, был один, и очень большой, нюанс, облегчавший жизнь Филиппа. Он был король, помазанник Божий на царство, освященный елеем короля Хлодвиги, хранящимся в Реймсе. Филипп был и оставался верховным сюзереном

для всех без исключения сеньоров королевства Франции.

Могущественные герцоги Нормандии, Аквитании и Бургундии являлись его вассалами и подданными, приносившими коленопреклоненные вассальные клятвы – оммажи. Герцоги Бургундии, ко всему прочему, были его кузенами, ибо происходили от его дяди Робера, брата его покойного отца Генриха.

Так, день за днем, из года в год, прикидываясь и изворачиваясь, Филипп вырослел, мужал и крепчал. Он провел несколько военных кампаний против своих могущественных соседей. Досталось от него и его тестю – графу Фландрии, что позволило Филиппу немного округлить земли вокруг своего северного кастелянства Монтрейль-сюр-Мер. Сожалел король только об одном.

Глупость его покойного отца, вздумавшего на старо-франкский манер разделить земли между сыновьями, не давала покоя Филиппу. Его младшему брату, Гуго, досталось богатое и обширное графство Вермандуа, которое, в одночасье стало независимым, и часто беспокоившем корону, владением. Гуго де Вермандуа, который прикрепил себе прозвище «Великий», был в действительности тем, кем любила обзывать Анна Киевская юного Филиппа. Он был слабоумный, доверчивый, но, как это часто случается, вспыльчивый и заносчивый граф. Филиппу стоило больших трудов, нервов и множества седых волос удержание Гуго де Вермандуа и всего графства в «орбите» своей политики.

Белесый, с невзрачным взглядом голубых, несколько водянистых, глаз, Филипп уступал харизматическим и фактурным соседям. Герцоги Нормандии и Аквитании были, словно написаны с портрета «идеального» монарха. Их стать, красота и поступки говорили сами за себя, чего нельзя было сказать о Филиппе Французском.

Но, именно Филипп Французский в те смутные времена увеличивал свои владения. Кроме него, большими темпами и объемами, увеличивал свое могущество только один человек – герцог Гийом Нормандский. Но, теперь он был уже мертв.

За годы своего «тихого», незаметного и «ленивого» правления Филипп сделал многое. Он сумел поднять торговлю в своем домене, что существенно обогатило его казну.

В 1068 году, Филипп, используя свое незыблемое право сюзерена, ввел во владение графством Анжу нового владельца, графа Годфруа де Гатинэ, женатого на дочери покойного графа Фулька III Черного. Его сын – Годфруа II Мартел Анжуйский умер, не оставив прямых наследников. К своей выгоде, Филипп ввел во владение зятя покойного, получив взамен – графство Гатинэ, вклинившееся между Орлеаннэ и землями Санса. Филипп существенно округлил южные границы своего домена, обезопасив подступы к Орлеану и Парижу с юга.

В 1071 году, вспомнив о своих туманных правах исходя из старинных брачных кутюмов королевства, король Филипп

присоединил небольшое, но очень важное в стратегическом смысле, графство Корбей южнее Парижа, чем еще сильнее сплотил южный рубеж обороны домена.

Но, как это часто случается, увеличив свои земли, король Франции был вынужден тут же раздать их своим вассалам, многие из которых практически сразу стали грабить и задира́ть соседей, купцов и священников, сея смуту, анархию и произвол. Филипп, до поры до времени, смотрел на все их «проделки» сквозь пальцы. Но, когда его интересы затрагивались или ущемлялись беспокойными сеньорами, король резко и сурово наказывал их, демонстрируя, «кто в доме хозяин». Даже, если некоторые из его военных акций и не заканчивались сожжением замка или неудачей, как это произошло в Гатинэ, при осаде замка сира Гуго де Пюизе, подданные видели и понимали, что король имеет право и обладает возможностью созвать всех своих вассалов для наказания провинившегося сеньора.

В 1077 году Филипп исхитрился, путем интриг и обманов, завладеть графством Вексен, вклинивающимся в земли Нормандии, словно меч. Это, вообще, детективная история, достойная отдельного рассказа.

Мать Филиппа, Анна Киевская вышла замуж за старого, но еще крепкого графа Симона де Валуа. Они жили счастливо, Анна умело «лепила» рога на голове незадачливого супруга, наслаждаясь волей, жизнью и красотами Франции. Супруг – рогоносец, как это частенько случается, в один из

прекрасных дней отдал Богу душу, оставив Анну дважды вдовой. Наследство покойного Симона мгновенно растащили соседи, прикрываясь родственными узами. Не оказался в стороне и Филипп Французский.

Единственный наследник покойного графа Симона, тоже Симон, которого впоследствии канонизируют, как Святого Симона, ушел в монастырь. Симон отказался принять наследство, вступить в брак и завести потомство. Филипп, по праву сюзерена, быстро и четко (для дурачка это просто невероятно) захватил графство Вексен. Оно было ближе всех к его домену, нежели остальные земли Валуа, он было стратегически важным и выгодным приобретением короны. Когда же он понял, что соседи сцепились между собой из-за нескольких спорных замков, Филипп резко привлек брата и графа Гуго де Вермандуа, с которым они на пару разорвали графство Валуа.

«Глупенький Гуго, – улыбнулся Филипп. – Ухватился за три замка, словно «цепной пес»! Я ему и отдал их, а остальные земли забрал себе, поставив верных кастелянов и прево управлять владениями покойного Симона...»

Филипп, сам того не понимая, создавал плацдарм для будущих завоеваний Нормандии его правнуками...

Вернемся же к друзьям и доверенным лицам Филиппа.

Вторым, не менее значимым человеком в окружении Филиппа Грешника, был епископ Парижа монсеньор Годфруа де Булонь. Младший брат графа Эсташа де Булонь – зятя по-

койного Эдуарда Исповедника и сподвижника Гийома Завоевателя, монсеньор Годфруа де Булонь служил верой и правдой Филиппу. Именно его, а не архиепископа Реймского, король назначил архиканцлером, доверив казну и налоги в его верные, честные и грамотные руки.

Были еще люди, и немало, но, о них позднее...

Сегодня же, Филипп не был настроен на работу. Известие о кончине его злейшего врага повергло в ступор короля Франции.

«Гийом, царствие тебе Небесное, дорогой мой враг,... – грустно вздохнул Филипп. – Мне будет, если честно, скучно без тебя и твоих «проделок». Эх, Гийом, Гийом. С тобой рядом, я жил и дышал «полной грудью», ты не давал мне в конец облениться и замереть. Царствие тебе Небесное. Господи, отпусти грехи несчастного раба Божия Гийома Нормандского, прости все его прегрешения. И, меня прости, неразумного...»

Филипп позвал слуг:

– Бездельники! Живо позовите ко мне епископа Парижского и мессира де Немура! Да, не забудьте накрыть стол! Ваш король голоден, бездельники! Уморить голодом меня решили?!

Слуги радостно зашевелились, исполняя приказание короля. Их радовало хорошее настроение монарха. Когда король ругается, что его «желают уморить голодом» – это, хо-

роший знак! Стол был быстро накрыт и Филипп, не дожидаясь прихода советников, решил перекусить.

«А-а. Отличное мясо, клянусь Святым Симоном! – отметил Филипп, пережевывая жареные куски. – Изумительное вино стали готовить на моих землях! Это, просто правильно и хорошо, что я повелел раздать земли и пустоши вилланам для хлебов и виноградников».

В это время в комнату вошли епископ Парижа и советник де Немур. Филипп кивнул им, приглашая за стол без излишних церемоний. В близком кругу он не очень любил и жаловал манерность придворных этикетов.

– Давайте, налетайте! – С полным набитым ртом сказал Филипп.

Епископ и де Немур сели и налили себе вина. Епископ – высокий и крепкий мужчина лет сорока, внешне походил больше на рыцаря, нежели на священника. Вот, и сегодня, он был одет несколько на военный манер. Из-под пол его сутаны, богато расшитой золотом и драгоценностями, выглядывала кольчуга, кинжал. Правда, отметил Филипп, кольчуга была очень искусной и тонкой, вероятно – итальянской, работы.

– Монсеньор епископ! – обратился Филипп к Годфруа де Булонь. – Как ваши успехи в деле борьбы с ересью и искоренению прочих вольнодумств.

«У короля сегодня было прекрасное настроение, – подумал епископ. – Иначе, он не завел бы разговор про всякую

ерунду».

– Домен спокоен, сир. – Ответил Годфруа.

– Вот и чудненько, епископ. – Ответил король. Он повернул голову к Мишелю де Немуру, жующему большой кусок мяса, и сказал. – Мишель, друг мой, что там у нас с доходами, получаемыми от «братства на воде»?

– Сир. «Братство на воде» (так называлось общество купцов, перевозивших товары по Сене и пользующихся покровительством короны) исправно перечисляет налоги и подати в казну. Не правда ли, монсеньор Годфруа? – ответил де Немур, переводя взгляд на епископа.

– Да сир. Они в этом квартале увеличили поступления, перекрыв показатели сборов за прошлый квартал на тысячу триста шестнадцать ливров, не считая мелочи... – ответил епископ, ведавший поступлениями в казну королевства.

– Нет, Годфруа, мелочь тоже надо считать... – Филипп дал понять епископу, что он любит точность и пунктуальность.

– Простите, сир. Я могу сейчас послать людей за счетными книгами...

– Нет надобности, сегодня, заниматься счетами, Годфруа. Ты лучше расскажи нам об этой нашумевшей легенде. Или, как там её – о пророчестве старого друида! Вот!

Мишель де Немур с интересом посмотрел на короля и епископа. Ему давно хотелось подробнее услышать эту легенду, связанную с герцогом Гийомом Нормандским.

– Да, Годфруа, расскажи, пожалуйста! Очень, понимаешь,

интересно! – Кивнул де Немур, берясь за вино.

– Сир! Но, вы ведь знаете, какой из меня рассказчик! Мне, куда сподручнее заехать кому-нибудь булавой по шлему, чем слагать истории... – попытался, было, отказаться епископ, который из-за обета не проливать кровь мечом и секирой, пользовался в боях здоровенной булавой.

– Так, монсеньор епископ! Вообще-то, это ваша работа! Вам, как блюстителю веры нашей святой католической церкви, – Филипп сделал такое лицо, что де Немур прыснул от смеха, – надлежит знать все, что касается происков еретиков и прочих идолопоклонников!

Делать было нечего, и епископ, как мог и умел, рассказал всю легенду и пророчество, не упустив ни малейшей детали. Королю понравилась занимательная и поучительная история, особенно та ее часть, где запрещалось воевать в Франции.

– Вот! Именно то, что нам и нужно! Необходимо, ребята, чтобы до всех было доведено, что воевать с королями Франции, особенно – их вассалам, равносильно смерти и проклятию! Мишель! – Король обратился к де Немуру. – Тебе надлежит, как следует, продумать все это!

Мишель молча кивнул, продолжая кушать. Король повернулся к епископу:

– Так. Теперь, к тебе! Именно твоя работа, как священника и епископа парижской епархии, довести до всех наших благородных и знатных «остолопов» главную идею!

– Какую, простите, идею? – Удивился Годфруа де Булонь.

– Да...

– Сир, простите меня, но, я... – недоумевал епископ Парижа.

– Годфруа! Ты, пожалуйста, не обижайся. Но, право, какой же ты тугодум! А еще гордишься своим происхождением от Карла Великого!

– Сир! Опять вы... – смутился Годфруа, немного обижаясь на Филиппа.

– Ладно. Прости меня! Ну, брякнул в сердцах! Не обижайся, ладно? – Филипп похлопал епископа по плечу.

– Хорошо, сир.

– Спасибо. Ты – настоящий друг, Годфруа! А, идея у нас такова – само Провидение защищает Капетов и престол Хлодвига! Понял?

– Да! Ух, ты! Поразительно, как я сам не догадался! – Хлопнул в ладони епископ.

Король улыбнулся, кивнул головой и сказал:

– Ну, сам понимаешь! Я – помазанник Божий! А ты – епископ, которого я ввел в сан и дал инвеституру посохом и кольцом! Только и всего, Годфруа...

– Да, сир. – Грустно согласился Годфруа.

– Не понял. Ты, что, опять обиделся на меня, Годфруа?

– Что вы, сир. Я, просто так, вздохнул, только и всего...

– И это прекрасно, что ты дышишь, Годфруа! Дыши еще сто лет, дорогой мой епископ и друг! А, наш бедный кузен –

король-герцог Гийом преставился, царствие ему Небесное! Сооруди по нему поминальную мессу, чтобы все было, как положено! По «первому разряду»! Чтобы, все видели и знали, что мы грустим и любим нашего покойного, но «заблудшего» вассала! Чтобы все сеньоры и рыцари во Франции знали и помнили о страшной судьбе герцога Гийома, дерзнувшего поднять меч на своего сюзерена – короля Франции, помазанника Божия!

– Будет исполнено, сир! Поговорю с «ребятами» из Санлиса, Буржа и Лана, они меня поддержат! – Кивнул Годфруа де Булонь, перечисляя архиепископов и епископов, которых знал и с кем был в родственных или приятельских отношениях.

Филипп отпил вина, поставил кубок на стол и сказал:

– Так! С Гийомом закончили! Теперь, давайте подумаем, как нам «помочь» Судьбе исполнить два оставшихся пункта пророчества. Остались у нас, если не ошибаюсь – море и стрела?

– Не совсем верно, сир. – Поправил де Немур.

– ?

– Надо так – стрела и море, сир. – Смутился Мишель де Немур.

– Да. А, я, как сказал? – переспросил король.

– Наоборот, сир.

– Вот, ты у нас видный сановник, тебе и соблюдать ритуалы! – Засмеялся Филипп, хлопнул по плечу де Немура и

подмигнул Годфруа де Булонь.

Все рассмеялись, задорно и весело, словно сбросив с себя груз лет и забот. Они проболтали еще пару часов о разных безделицах и отвлеченных темах, позабыв о грузах забот и проблем.

– Да, сеньоры! У меня тут, к случаю, есть четыре прехорошенькие служанки! Пальчики оближешь! – Король причмокнул языком от удовольствия. – Мастерницы и выдумщицы, я вам скажу, знатные! Может, чтобы не губить прекрасный вечер – продолжим гулянку в более приятной компании? Ваше преосвященство, не против?

Епископ Парижа замялся. Филипп, подмигнув де Немуру, продолжил:

– Ой, чуть не забыл! Мои строители, как на грех, именно сегодня, закончили отделку купальни! Там большой бассейн, просто прелесть. Епископ – вы с нами, или как?

– Видите ли, сир... – мялся епископ, немного смущаясь своего сана и одежд, – удобно ли, в моем сане, при одеяниях?

– Ха-ха-ха! Немур! Ты только послушай, что лепит наш Годфруа! Сан! Одеяния! Годфруа, ты же не собираешься, часом, лезть в бассейн с девками в митре? Хватит дурачиться! Пошли, вода уже стынет.

– Сир... – мялся Годфруа.

– Чего? А! Чуть не забыл! Одна из моих «воспитанниц» хочет стать монахиней! Вот – ты и станешь ее «наставником»! Как раз! Сан и одеяния сгодятся!..

Король встал и вместе с де Немуром потащил слабо упирающегося епископа в мыльню...

V ГЛАВА.

Англия, Нормандия и Франция.

Устье Сены. Франция. 12 сентября 1087 года.

Напрасно *король-герцог* Гийом Завоеватель думал, умирая, что его средний сын Гийом Рыжий находится в Англии и не слышит его слов. Хитрый потомок Завоевателя ожидал известий о кончине отца в устье Сены, ниже Руана по течению. Большой военный неф, способный перенести морское плавание, стоял неподалеку, укрывшись за лесистым островком, которыми изобилует Сена в этих местах. Пятьдесят верных рыцарей, служивших тридцатиоднолетнему принцу Гийому, были присланы Гуго де Биго. Великий коннетабль Англии рассчитывал разыграть свою карту, поставив все на среднего сына грозного монарха. Для остальных же, хитрый и расчетливый Гуго изображал роль сторонника старшего сына грозного монарха.

Гийом расхаживал на поляне, нетерпеливо ожидая гонца с известиями. Время тянулось очень медленно для принца. Король, как сказали ему соратники Гуго де Биго, должен умереть со дня на день. Гийом измучился в ожиданиях кон-

чины своего великого отца. Вот уже неделю, как он всматривается в даль уходящей к Руану дороги, тщетно ожидая гонца.

Вдруг, он замечает небольшое облачко пыли, поднявшееся над пригорком, возвышавшимся над бухтой, и, наконец, увидел скачущего гонца. Сердце его сжалось на миг, словно чья-то невидимая рука старалась остановить его. Гийом встряхнул плечами, прогоняя мимолетное ощущение вялости.

Гонец соскочил с лошади, которая, не выдержав бешеной скачки, тут же упала на землю, подбежал к принцу и, припав на одно колено, произнес:

– Сир! Ваш отец – великий герцог Гийом Нормандский почил в Бозе сегодня. Меня послал к вам с этим скорбным известием мессир Гуго.

Гийом вздрогнул. Как он ни готовился к этому известию, все же, оно ударило его душу больно и страшно. Губы его дрогнули, сеть морщинок покрыла уголки век, скулы резко выступили на его лице. Многие говорили, что именно средний сын герцога наиболее походил внешностью на своего великого отца. Гийом вытер лицо рукой, словно стряхивая с него все эмоции переживаний, шумно выдохнул из себя воздух, вздохнул, и произнес:

– Мы очень скорбим по кончине нашего родителя. Прошу вас, немедленно, отправиться к мессиру великому коннетаблю Англии и передать ему, что я отбываю в Англию. Дальше...

– Гийом задумался. – Дальше, мессир Гуго знает, что должен сделать. Мы более не задерживаем вас, рыцарь.

Гонец встал и добавил:

– Сир. Есть еще одна новость...

Гийом удивленно посмотрел на него:

– Говори...

– Сир. Ваш отец перед смертью так и не назвал имя наследника престола Эдуарда Исповедника.

– Хм...

– Он вручил Англию... в руки Господа.

Гийом зло и страшно улыбнулся, какой-то волчьей ухмылкой обнажив острые ряды зубов:

– Ну, так я сам возьму её!!!

Гийом Рыжий повернулся к своим конюшим и сказал:

– Быстро! Самого шустрого и выносливого скакуна мессиру рыцарю! Его ждут в Руане.

Гонец поклонился и побежал к конюшим...

«Вручил Англию Богу... – подумал про себя Гийом, теребя подбородок. – Боже! Как это похоже на отца! Его вечные манеры ставить всех в тупик своими решениями и поступками. Ладно! Я сам возьму то, что мне полагается по праву рождения!»

Внезапно, Гийом понял, что произнес очень важную фразу. Он плюнул на землю.

«Право рождения! Я совсем забыл, что Робер среди нас – старший! Неужели, все достанется ему? Нет! Скорее в Ан-

глию! Надо успеть захватить казну и привлечь саксов, недо-
резанных моим покойным родителем. Пусть, простофили,
помогут мне, надеясь на восстановление былых законов...»

Он поспешил к кораблю, возле которого собрались рыцари его эскорта:

– Вперед! На Англию!

Гийом резко взбежал по трапу на борт корабля. Рыцари поспешили за ним. Капитан судна – фламандский наемник что-то крикнул на своем языке, гребцы веслами оттолкнули судно от причала и стали ставить парус. Ветер, словно нехотя, стал раздувать треугольный парус, все сильнее и сильнее наполняя его. Судно, с небольшим креном на левый борт, развернулось, и вышла из устья Сены навстречу морскому простору и неизвестности. Молодой принц стоял на баке судна, широко расставив ноги, и смотрел вдаль. Ноздри его широко раздувались, вдыхая свежий морской бриз, легкий ветер трепал его огненно-рыжие волосы. Солнце закатывалось на западе где-то далеко за горизонтом, словно умирало вслед за великим герцогом Нормандии. Принц смотрел в лицо судьбе и неизвестности, его стального цвета глаза безотрывно смотрели на север, мечтая поскорее увидеть берег вожденной Англии...

Замок Арк. Нормандия. 12 сентября 1087 года.

Готье де Кутанс, несмотря на свои преклонные годы – ему

было почти пятьдесят лет, гнал коня к замку Арк. Свита – пятеро крепких и проверенных рыцарей, еле успевали на своих горячих конях за ним. Несколько часов продолжалась бешеная скачка, уже два раза они меняли коней в придорожных замках и селениях, крича:

– Свита герцога! Свежих коней! Живо!..

Только к вечерней зорьке показался замок Арк. Он высился на отвесной скале, к которой вела только одна извилистая дорожка. Быстро преодолев передовые заставы, группа всадников влетела во внутренний двор замка, выбивая искры из камней, которыми был замощен внутренний дворик. Готье быстро спрыгнул с коня и, бросив поводья выскочившим конюшим, спросил у одного из них:

– Где Его светлость Робер?

– Граф Робер в башне, мессир. – Поклонился конюший, указав рукой на свет, лившийся из узкого оконца донжона.

Готье де Кутанс кивнул и поднялся по винтовой лестнице маршевой башенки кубического донжона на второй этаж. Граф Робер сидел в кресле и смотрел на огонь, игравший в камине. Робер был надет добротный пурпуэн, проклепанный металлическими бляхами. Вязанные штаны были заправлены в высокие сапоги из рыжей кожи с золочеными шпорами. Пояс, богато украшенный золотым позументом, охватывал тонкую талию старшего сына Гийома Завоевателя. Кинжал в богатых ножнах был единственным оружием Робера, он висел на поясе.

Когда Готье де Кутанс с шумом и скрипом открыл крепкую дубовую дверь, Робер оторвался от раздумий и созерцания огня, повернул голову и посмотрел на вошедшего сеньора.

— Добрый вечер, герцог Робер. — Учтиво произнес, кланяясь, Готье де Кутанс. — Ваш великий батюшка и наш добрый хозяин — король Англии и герцог Нормандии Гийом скончался сегодня во дворце Руана.

Робер молча опустил голову на грудь, тяжело вздохнул и, произнес:

— Как он умер, Готье?

— В полном смирении и покаянии, сир...

Робер встал:

— Он простил меня перед смертью? Снял свое проклятие?

Готье замялся, переступая с ноги на ногу. Робер понял, что Готье немного устал и сказал:

— Присядьте, мессир Готье. Вы, должно быть, устали с дороги...

— Спасибо, сир. — Готье де Кутанс сел на стул, стоявший рядом с креслом принца.

Робер подошел к огню, протянул к нему руки, словно согревая их, и произнес:

— Отец снял с меня свое проклятие?

— Нет, сир...

Руки Робера сжались в кулаки:

— Тогда, почему ты назвал меня «сиром», Готье?

– Сир! Король-герцог Гийом Нормандский перед смертью официально передал вам герцогство в вечное и наследственное владение! – Готье припал на одну ногу, склонив голову перед новым герцогом Нормандии.

Робер протянул руку для целования. Готье припал к ней губами. Робер произнес, поднимая за плечи Готье де Кутанс:

– Мы, Робер Нормандский, сын Гийома Завоевателя, принимаем тебя, Готье де Кутанс, граф и рыцарь, в свои вассалы от земель, которыми ты владеешь от моих предков! Мы не забудем твою верность и преданность...

Готье де Кутанс низко поклонился и сказал:

– Сир! Англия не принадлежит никому!

Робер Куртгёз удивленно посмотрел на него:

– Что за шутки, Готье?

– Сир! Ваш отец, умирая, поручил Англию и корону Эдуарда Исповедника Богу. Умоляем, сир, примите корону Англии! Объедините под своей благородной и могучей дланью земли вашего великого родителя! Не допустите анархии и произвола, который может учинить ваш брат Гийом Рыжий! Большинство знатных нормандских сеньоров хотят признать вас нашим единым монархом и сюзереном! – Произнес Готье де Кутанс, встав на колени перед Робером.

– Готье! Но, это же – междоусобная война!

– Сир! Если мы начнем действовать быстро и без раздумий, мы можем избежать войны! Надо немедленно принять оммаж от ваших верных нормандцев и, как можно быстрее,

отправиться в Англию! Ваш брат пока в неведении, ведь он находится в Глостере! Я приказал своим людям и союзникам перекрыть все порты и не выпускать ни одного судна или лодки в море в течение десяти дней!

Робер рассмеялся, с удовольствием потирая руки. Он хлопал Готье де Кутанс по плечу, сказав:

– Вы – очень разумный и дальновидный вассал, мессир Готье! Думаю, что мы попытаемся управиться с клятвами и сборами армии за неделю! Я согласен принять короны Англии и Нормандии!..

Они еще не знали, что Гийом Рыжий уже знает о смерти отца и, именно сейчас, плывет к берегам Англии за ее возжеленной короной.

Винчестер. Англия. 15 сентября 1087 года.

Гийом Рыжий высадился ночью 13 сентября на берег Англии в порту Дувра, где его уже ожидали пятьдесят рыцарей мессиров Гуго де Биго и Жилия де Люси. Мессир Жан де Монтгомери прибыл к Гийому только под утро с большим отрядом английских лучников и двадцатью рыцарями. Учитывая, что на корабле с Гийомом прибыли пятьдесят нормандских рыцарей, его отряд стал насчитывать уже сто двадцать конных рыцарей и двести английских лучников.

«Да. Сил маловато даже для «рывка» на Лондон и Кентербери, – скривился Гийом Рыжий, пересчитав свою армию. –

Хотя, для взятия казны в замке Винчестер, думаю, должно хватить!»

С малолетства, как и его старший брат Робер Куртгёз, Гийом Рыжий сопровождал своего отца во многих походах. Он обучался военному ремеслу, тактике боя, правилам осад и защиты замков на практике, наблюдая за действиями своего отца. Одиннадцать лет назад, в 1076 году, когда восстали по всей Англии и Нормандии сеньоры, требующие послабления налогов и податей от Гийома Завоевателя, они с братом командовали отрядами в северных графствах Англии. Рыцари прекрасно отзывались о способностях Гийома Рыжего, имевшего прекрасный дар полководца и хитрость политика. Вот и сейчас, Гийом решился на крайне рискованный поступок – захват казны его покойного отца, хранящейся в донжоне замка Винчестер.

Внезапно, Гийома Рыжего привлекли громкие разговоры и ругань, раздавшиеся среди его знатных нормандцев. Он прислушался и, воспрянул духом! Нормандские сеньоры пытались прогнать нескольких знатных англосаксов, прибывших со своими отрядами для поклона молодому принцу. Это были части английского ополчения «фирд», которое его благоразумный отец не запретил иметь местным сеньорам из числа туземного населения. Он пошел быстрыми шагами, буквально побежал к ним.

– Здравствуйте, мои верные англичане! – Медленно, но без ошибок, произнес на английском языке Гийом.

Нормандцы расступились, не ожидая такого поступка от принца. Они, хотя прошло уже более тридцати лет после завоевания страны, привыкли с опаской и недоверием смотреть на местных людей, тем более, если они знатные саксы, сохранившие свои земли.

Саксы поклонились Гийому Рыжему. Из их рядов вышел крепкий светловолосый мужчина пятидесяти лет. Его голову опоясывал золотой обруч эрла земель Корнуолла.

– Мы рады, наш великодушный хозяин, приветствовать вас на земле Англии. – Почтительно поклонившись, произнес он.

Гийом подошел к нему и, положив руку на его плечо, сказал:

– Эрл Седрик Корнуоллский, я очень рад и признателен вам, что вы смогли прибыть по моему зову. Мои слова признательности касаются и вас, благородные саксы. – Добавил Гийом, поворачиваясь к прибывшим англичанам.

Саксы поклонились. Седрик, преклонив колено перед принцем, сказал:

– Милорд Гийом! Мы, поначалу, отнеслись с большим подозрением и сомнениями к письму, которое доставил мне гонец от Гуго де Биго – эрла Норфорлка, – Седрик по старинке называл графов эрлами. – Милорд, вы же знаете этих нормандских эрлов – только и делают, что...

Седрик запнулся, вспомнив, что и Гийом Рыжий нормандец. Гийом улыбнулся, кивнул сочувствующе Седрику и ска-

зал:

– Милорды саксы! То, что вы поверили моему письму, и прибыли по моему зову – я не забуду! Сегодня же, от вас и ваших людей, от расторопности, верности и преданности, но, главное – от четкости исполнения моих приказов будет зависеть многое в Англии! В том числе – возврат и законодательное закрепление части английских вольниц, и послабление лесного кодекса короля Гийома Завоевателя – моего покойного отца!

Саксы громко вздохнули, настолько неожиданным для них было известие о смерти их грозного повелителя. Гийом Рыжий, в волю насладившись реакцией саксов на неожиданное известие и свои обещания, продолжил:

– Вам, эрл Седрик, надлежит собрать *«Витенагемот»* знатных саксов и всех свободных держателей, срочно собрать ополчение «фирд» и выступить к Лондону! Сроку вам – неделя! Собирайте фирд от Эссекса, Корнуолла, Кента и Норфолка!

Седрик недоуменно посмотрел на Гийома.

– Я вас понял, милорд Седрик. Гуго де Биго, эрл Норфолка, не будет против ваших действий на его землях.

Седрик успокоено поклонился. Саксы, прибывшие с ним, волновались. Гийом сурово взглянул на них и произнес:

– Не надо бояться, благородные и свободные саксы! Я вам гарантирую, что мы справимся...

После этого, Гийом быстро переговорил с каждым из при-

бывших саксов, что-то объясняя каждому из них. Саксы кланялись и разъезжались каждый по тем районам, которые указал им Гийом.

В это время к импровизированной ставке Гийома подъехал Робер де Клэр – комендант «Пяти Портов Англии», в которые входили Дувр, Гастингс, Сандвич, Ромни и Хайт. Робер де Клэр соскочил с лошади и преклонил колено перед Гийомом Рыжим, произнеся:

– Сир! Мы с нетерпением ждем вас! Мои люди готовы выступить по первому вашему приказу.

– Встаньте, благородный и верный де Клэр! – Гийом поднял Робера и поцеловал его. – Очень хорошо, что вы прибыли! Для вас – особое задание...

Робер поклонился:

– Слушаю вас, милорд.

Гийом скривился, он не очень любил английское слово «милорд» в общении между нормандцами:

– От тебя, Робер, зависит многое, практически все! Ты должен, нет, обязан намертво закрыть берега и порты Англии! Так, чтобы ни один корабль, ни одна лодка не смогли отплыть без твоего позволения в течение недели, максимум – десяти дней! Понял? Справишься?

Робер пожал плечами:

– Справлюсь, сир!

Гийом засмеялся, похлопав его по плечу:

– Вот! Совсем другое дело! А то – милорд!..

В это время к Гийому Рыжему подошел Жан де Монтгомери:

– Сир! У меня есть серьезные опасения, что многие из наших нормандских сеньоров могут стать на сторону вашего старшего брата Робера Куртгёза, когда узнают о смерти вашего батюшки и нашего повелителя...

– Ну, что же поделаешь! Стало быть, в том их судьба! Кто не с нами – тот против нас! По-другому не бывает, дорогой мой Жан...

Жан де Монтгомери изобразил грустную гримасу на лице:

– Сир! Очень, знаете ли, не хотелось скрестить с ними мечи...

– Ой! Что я слышу! Мой храбрый Монтгомери стал побаиваться смутьянов?!

Жан покраснел, его ноздри стали широко раздуваться. Гийом хлопнул его по плечу и сказал:

– Ерунда! Они не знают, пока, что мой покойный отец не снял с Робера своего проклятия! Вот. А, когда они узнают об этом, им придется хорошенько призадуматься, на чью сторону стать...

Жан успокоился немного:

– Сир. Так, что выходит, ваш батюшка так и не простил на смертном одре Робера? Это же меняет дело!

– Да, Жан. Именно. Это и меняет дело! Ну, ладно, хватит о пустяках. Сейчас мы движемся на Винчестер. Наша задача – сходу или обманом, но захватить королевскую казну. Мои

верные люди уже ждут нас возле замка. Их мало – человек десять, но они там служат в одной из смен стражи.

– Тогда, я побежал к своим рыцарям готовить их к маршу...

Гийом хотел, было, отпустить Монтгомери, но, вспомнив что-то важное, задержал:

– Жан! Друг мой и верный вассал. Слетай, не в службу, а в дружбу, к мессиру де Клэр. Я забыл ему передать, чтобы он обеспечил торжественную встречу и надежный эскорт для монсеньора Ланфранка – архиепископа Кентербери. Он приедет, это точно. Причем, в ближайшие дни! Он мне нужен до зарезу!

Монтгомери побежал догонять де Клэра, чтобы передать распоряжения Гийома относительно архиепископа Ланфранка. Принц не стал дожидаться его возвращения и приказал выступать к Винчестеру. Ему нужна была королевская казна...

Монтгомери нагнал их быстро и, с его прибытием, отряд поскакал во весь опор своих коней к замку.

Прибыли они только под утро 15 сентября. Ворота замка были закрыты, подъемный мост поднят. Гийом решил рискнуть и, подъехав к воротам Винчестера, громко протрубил в рог. Через мгновение из бойницы раздался голос стражника:

– Чего надо в такую рань?!

– Открывай ворота, слепой! Я – Гийом Второй Нормандский, сын и наследник короля-герцога! Срочно открывай во-

рота и зови коменданта замка! Измена и война!

Стражник исчез, оставив Гийома в полном неведении. Конь Гийома, несмотря на быструю скачку, все еще не отошел от темпа и перебирал ногами, стуча копытами по бревнам моста.

«Откроет – или нет?» – Думал Гийом, сидя на коне. Минуты ожидания тянулись медленно, словно сама вечность остановила время. Он даже вспотел от переживаний и ожидания ответа.

Внезапно, подъемный мост вздрогнул и стал опускаться на канатах, издавая неприятный скрежет.

«Вот бездельники! Не могут смазать салом канаты подъемника... – усмехнулся Гийом, радуясь неожиданной победе.

Мост опустился, открылась створка ворот. Перед принцем показался заспанный комендант.

– Долго я еще буду стоять на мосту и ждать, когда сыну Гийома Завоевателя откроют ворота королевского замка? – Гийом Рыжий решил немного напугать коменданта. Это, похоже, ему удалось.

Комендант замка Винчестер, рыцарь Готье де Ла Бюр, так испугался грозного крика Гийома Рыжего, что, от неожиданности, упал на колени:

– Ваше высочество! Не казните! Не узнал вас в спешке. Гарнизон и замок Винчестер всегда открыт для принца крови. Простите меня, старика...

Гийом решил, что сейчас нужно сыграть в милосердие. Он спрыгнул с коня и подошел к коменданту:

– Встаньте, верный комендант! Мы не желаем наказывать своих верных слуг. Король-герцог Гийом Завоеватель, Бо-
жьей милостью король Англии и герцог Нормандии, умер!

Коменданта чуть не хватил сердечный удар. Он, стоя на коленях, зашатался и, чуть было не упал, но Гийом подхватил старика, добавив:

– Надеюсь, казна в порядке? Новый повелитель Англии желает осмотреть казну...

Старик собрался с силами:

– Да, Ваше... Ой! Простите меня, сир! Казна Англии ожидает вас, Ваше королевское величество!

Гийом улыбнулся и поднял старика рыцаря:

– Служи мне верно! Кроме меня – никому ворота замка не открывать! Даже, если приедут с моим приказом или письмом! Понял?

– Да, сир, понял...

– Раз понял – пошли в замок. И, не забудь ворота закрыть!

– Будет исполнено, сир, – комендант побрел за Гийомом, входящим в замок Винчестер...

Первый этап захвата короны Англии прошел, на удивление, легко и быстро. Казна Англии была в руках Гийома Рыжего. Оставалось только ждать. Это, пожалуй, было, самым невыносимым испытанием для импульсивной натуры сына покойного Завоевателя.

Гийом только к вечерней молитве закончил проверку казны, хранящейся в башне Винчестера. Он сильно устал. От блеска золотых и серебряных монет и слитков рябило в глазах, голова разболелась так сильно, словно сразу же за глазами была одна сплошная болячка. Гийом коснулся пальцем глазницы, упираясь в заднюю стенку глаза, ноющая боль ощущалась каждой клеточкой его мозга. Голова, словно котелок, налитый густым киселем, словно колыхалась при каждом движении.

«Надо подышать воздухом. Устал...» – решил Гийом и поднялся на террасу башни.

Свежий вечерний ветерок, казалось, немного освежил Гийома, приятно проникая в вырезы его пурпуэна, еле заметно шевеля волосы на его голове. Осень в этом году была по-особенному приятной. На удивление, совсем не было дождей, которыми славилась Англия в это время года. Лето, упорно упираясь, не хотело сдавать свои позиции дождливой и промозглой английской осени без боя.

Гийом сел на широкую и удобную дубовую скамью, так любимую его покойным отцом, вытянул свои длинные ноги, обутые в высокие сапоги крепкой испанской кожи. Глубокий вдох свежего вечернего воздуха немного освежил Гийома, отогнав на мгновение головную боль. Он поднял голову и стал смотреть на вечернее небо, с его розоватым закатом и облачками, подернутыми закатом солнечных лучей. Где-то неподалеку от замка в рощице пела птица, высоко в небе

вились быстрыми стайками, скользя словно тени, ласточки. Гийом вздохнул и закрыл глаза.

«Боже мой! Как я устал... – сказал Гийом сам себе. Он редко показывал на людях свои чувства и переживания, стараясь изображать ледяную статую. – Как же я устал. А, ведь это – только первый шаг к короне...»

От раздумий его отвлек рыцарь, заглянувший из-за двери башни:

– Сир! Прибыл гонец из Лондона!..

Гийом молча махнул рукой, чтобы гонца пропустили к нему. Вошедший, судя по одежде и цвету волос – сакс, услужливо поклонился и произнес:

– Великий Витенагемот Английского королевства принял единодушное решение поддержать вас на престоле Эдуарда исповедника при согласии возврата старинных английских вольниц. Фирд собирается в Лондоне, Дувре и Йорке!

– Хорошо, гонец. Передай Витенагемоту, знатым и свободным саксам, что Гийом Рыжий принимает условия и исполнит обещанное. Я выеду в Лондон завтра, пусть встречают меня...

Руан. Нормандия. 19 сентября 1087 года.

Герцог Робер Куртгёз закончил принятие оммажа от нормандских сеньоров, бывших на своих землях и присутствовавших на похоронах его отца. Он немного утомился от этой

повторяющейся, раз за разом, процедуры целования и повторения слов клятвы сюзерена:

«Принимаем тебя, ... в число наших людей за земли и держания, коими ты и твои предки держат от нас и наших предков, герцогов Нормандии...»

Робер вышел на балкон дворца Руана и посмотрел на широкую Сену, вяло несущую свои воды к Английскому каналу. Река делала широкий изгиб, словно демонстрируя городу и герцогу свою природную мощь и спокойствие, непоколебимое веками. Робер взмахнул несколько раз руками, разминая затекшие плечи и спину, улыбнулся широкой открытой улыбкой и потянулся, было, за кубком вина, стоявшим рядом на столике.

«Как прекрасно, хотя и утомительно! Наконец-то...» — сладко зевнул Робер, потягиваясь.

Он уже явственно представил себя, стоящим на носу корабля, пристающего к Гастингсу.

– Да! Именно, к Гастингсу! – Громко вслух произнес Робер.

Ему непременно хотелось вступить на берега Англии именно в Гастингсе, пройти с армией мимо поля, на котором его отец мечом добыл себе вожаденную корону английских королей.

Внезапно, сильный переполох, шум и невнятные разговоры отвлекли его от сладостных мыслей. На балкон вбежал Готье де Кутанс, его расстроенное и испуганное выражение

лица озадачили Робера:

– Готье, что стряслось? Поймали, наконец, Гийома?!

Готье, тяжело дыша, ответил:

– Нет. Значительно хуже...

Робер удивленно посмотрел на него, потянувшись за кубком вина:

– Присядь. Выпей, переведи дух...

Готье подошел к столику, налил себе до краев вина, расплескав часть его на стол, залпом выпил, и произнес:

– Беда. Гийом уже в Англии...

Робер опешил, уронив кубок на плиты балкона:

– Как? Когда?..

– Оказывается, он был в Нормандии, практически возле нас...

Робер покачал головой:

– Я так и думал... у нас предатели, Готье.

Готье де Кутанс кивнул:

– Точно так, сир. Именно, предатели. Они предупредили Гийома о последних минутах жизни вашего батюшки и всех его словах. Думаю, что это, скорее всего, мессир великий коннетабль Англии!

Робер удивленно вытаращил глаза:

– Нет! Ты ошибаешься, Готье. Мессир Гуго – наш преданный и верный союзник, его помощь неоценима! Посмотри, с какой тщательностью и пышностью он организовал присягу баронов и рыцарей герцогства!

Готье не унимался, продолжая гнуть своё:

– Именно! Он так «постарался», что вы потеряли уйму времени! К тому же, большинство знатных владетелей, непонятно почему, находятся сейчас в Англии! Скорее всего, они уже переметнулись к Гийому!

Робер скривился:

– Ой! Готье, вечно, тебе мерещатся всякие происки и подвохи! У большинства нормандских сеньоров есть владения в Англии, которыми их наделил мой отец после завоевания страны. Может, у них там дела какие-нибудь! Они ведь не знают еще, что умер мой отец, кто стал новым герцогом, когда ему приносить вассальную клятву и так далее! Все?

– Нет, сир, не все! Один мой человек, переодевшись монахом и рискуя жизнью, тайно выехал из Англии и прибыл сегодня в Руан!

– Да ты что! И, что же? Англия ждет меня?

– Нет, сир! Англия вас не ждет, за исключением части верных баронов в западных графствах, вся Англия подчинилась Гийому Рыжему – вашему брату! Мало того! Казна Винчестера в руках вашего брата! Лондон и Тауэр в руках Гийома!

Робер почесал затылок, подумал и спросил с неуверенностью в голосе:

– А Витенагемот свободных саксов?

Готье махнул рукой, опустив голову с вздохом отчаяния:

– Витенагемот поддержал избрание Гийома на престол Эдуарда Исповедника! Они потребовали восстановление бы-

лых английских вольниц, старых кутюмов и смягчения лесного кодекса!

– Да это просто сумасшествие! И, что же Гийом?

– Он согласился со всем!

Робер расхохотался, хлопнув себя по коленям:

– Самоубийца! Нормандцы теперь его разорвут! Половина их вилланов теперь будет неподвластна их праву суда! Ха-ха-ха! Готье! Англия скоро сама приползет ко мне, подталкиваемая копьями нормандских и французских сеньоров, оборанных Гийомом в пользу саксов!

Готье как-то кисло кивнул в ответ:

– Сир! Часть нормандских сеньоров, без сомнения, станет на вашу сторону. Но, большая часть сеньоров займет выжидательную позицию, выгадывая для себя лучшую долю. А, ситуация, скажу вам прямо, не в нашу пользу! Особенно, после захвата казны вашего батюшки!

– Подумаешь... – махнул рукой Робер.

– Нет! Именно! Гийом может «купить» брабантцев и прочую фламандскую мерзость, продающую свои мечи и арбалеты за звонкую монету! Плюс, Витенагемот, поддержав Гийома, наверняка выставит английское ополчение «фирд» ему в поддержку. А это – лучники, потомки тех, кто достаточно «помучил» нас на поле Гастингса!

– Мужичье! Подавим конями! Против бронированной рыцарской конницы еще никто не мог устоять!

Готье крикнул, встал и произнес:

– Сир! Вы сами изволили сказать, что большинство ваших нормандских сеньоров имеют лены в Англии! Если Гийом пригрозит, что конфискует у них владения, рыцари и сеньоры могут и не пойти на войну! К тому же, вероятность воевать в братоубийственной войне, вряд ли пробудит у них воинственный пыл!

Робер сидел, задумчиво смотря куда-то перед собой. Глаза его сузились и стали похожи на две щелочки, окруженные ресницами и морщинками раздумий. Готье де Кутанс прохаживался по балкону из угла в угол. Вечернее солнце, закатываясь где-то вдали, озаряло их лица, стены и реку каким-то багровым, почти кровавым светом, искрясь в глядах Сены миллионами искр на волнах. Герцог поднял голову и, глядя на закат, произнес:

– Все равно, я не отдам корону отца без боя! Тем более, что архиепископ Кентерберри сейчас только готовится к своей торжественной речи. Я уверен, что он еще не знает о деяниях моего брата, захватившего Лондон и казну отца! Если, монсеньор Ланфранк решится объявить меня единым наследником корон Англии и Нормандии, у нас, Готье, появится шанс...

Готье громко крикнул, взмахнув руками в стороны:

– Сир! О каком, черт меня подери, шансе вы говорите! Даже, если предположить и добиться того, чтобы вас, сир, избрали единым королем-герцогом, надо еще попытаться отнять Англию у вашего брата! Во-вторых, не стоит забывать

и ту малость, что с вас отец так и не снял своего проклятья! А это, могу вас заверить – очень веская причина для большинства баронов, сеньоров и рыцарей, чтобы воздержаться от активных военных действий...

Робер косо посмотрел на де Кутанса, кисло скривился:

– Только, не надо меня пугать, Готье! В конце концов, наймем наемников – пусть они и воюют!

Готье, видимо, ожидал этих слов герцога. Он наклонился к нему и, стараясь придать своему голосу наибольшую убедительность, произнес:

– Ах! Наемников! А вы, случаем, не забыли, в чьих руках сейчас находится казна вашего батюшки? У кого сейчас больше денег – у вас, или у Гийома?! К тому же, сейчас не шестьдесят шестой год! Ваш брат, к счастью или несчастью, совсем не походит на покойного Гарольда Несчастливого! К тому же, я не думаю, что папа Римский решится, вот так спокойно, сидеть и наблюдать, как двое родных братьев, один из которых проклят своим отцом, а другой утвержден английским народом на царство, будут проливать кровь невинных людей, благородных сеньоров, жечь замки, города и села, нанимать богопротивных наемников-брабантцев! Нет! Лично я уверен, что именно вас отлучат от церкви в этом случае! Мало того, вы, своими рискованными и необдуманными поступками можете дать повод лишиться себя прав на Нормандию, завещанную вам отцом!

Робер поднял брови, его лицо вытянулось. Он подумал

немного и сказал:

– Да, тебя послушаешь – кровь в жилах стынет! Что же мне тогда предпринять?! Сидеть, словно дурню, и смотреть, как брат нагло и вероломно забирает Англию!

– Не совсем, сир! Наоборот, надо поддержать всеми средствами тех баронов и сеньоров в Англии, кто решительно встанет на вашу сторону! А тогда уже, как Бог позволит...

Робер кивнул, соглашаясь со словами Готье де Кутанс.

В конце концов, так все и получилось. Архиепископ Кентерберри, на правах верховного примаса церкви, в присутствии епископов и знатных сеньоров Нормандии, избрал Робера Куртгёза единым королем-герцогом Англии и Нормандии. На торжественном собрании присутствовали многие знатные нормандцы, имевшие лены и графства в Англии. Они охотно поддержали решение Высшего совета королевства, тем более что все духовенство от лица Бога, в руки которого покойный Гийом Завоеватель вверил Англию, решило передать бразды мирского правления Роберу – старшему сыну покойного повелителя!

– В конце концов! Мы – франки! У нас мажоритарная система наследования! Старшие сыновья должны наследовать большую часть владений отца, выделяя братьям апанажи для достойного существования!

Все было верно, складно и гладко на пергаменте! Тем более, что большинство собравшихся священников и сеньоров еще не знали о захвате Лондона, пяти главных портов

и казны королевства Гийомом Рыжем, не знали о единой поддержке всего народа покоренной Англии и Витенагемота благородных саксов!

Робер, как мог, оттягивал отплытие монсеньора Ланфранка в Англию, где он собирался организовать пышную коронацию старшего сына Завоевателя. Герцог Нормандии предполагал, что Ланфранк может и не пойти против воли всего народа и Витенагемота благородных и свободных саксов, архиепископ мог пойти на компромисс, невыгодный Роберу. Но, продержав архиепископа неделю, за время которой тайные посланцы успели переполошить часть знатных нормандских сеньоров, причем, только малую часть. Робер мало поверил в слова подозрения относительно Гуго де Биго. А зря. Гуго де Биго, в свою очередь игравший на обе стороны, предупредил Гийома о прибытии тайных посланцев, многие из которых были тут же схвачены по прибытию в Англию.

Но, робкие язычки пламени гражданской войны и анархии, тут и там, запылали по Англии, разгораясь в большой костер гражданской и междоусобной войны. Города и замки восставали, сеньоры возмущались обещаемыми уступками англичанам, которые собирался сделать Гийом Рыжий. Ядром восставших сеньоров стал Рочестер – сильно укрепленный город и замок, столица богатого графства. К этому времени, Гийом и его верные сторонники уже контролировали Лондон, и весь юго-восток Англии.

Дувр. Англия. 25 сентября 1087 года.

Корабль, на котором в Англию прибыл архиепископ Кентерберри, мягко уткнулся носом в мешки с песком, которыми был обложен причал гавани. Подали трап, по которому монсеньор Ланфранк аккуратно, он жутко боялся воды и не умел плавать, сошел на берег. Путешествие морем отняло много сил и истрепало нервы пожилого архиепископа. Тошнота всю дорогу не давала возможности отдохнуть, забывшись сном праведника хотя бы на пару часов. Теперь же, все позади. Архиепископ шурился от удивительно яркого, для этого времени года, солнца, прикрывая рукой глаза. Перчатка архиепископа, сшитая из изумительного бархата и унизанная драгоценными перстнями, бросала солнечные зайчики, искрясь радужными сияниями. Он увидел силуэты вооруженных рыцарей, видимо – это был комендант «Пяти портов» и его рыцари, приближающихся к нему и его эскорту, выползшему на берег, буквально на четвереньках. Рыцарь, шедший впереди группы воинов, приблизился к архиепископу Ланфранку и, опустившись на колено, произнес:

– Монсеньор архиепископ! Ваше преосвященство, мы рады видеть и принимать вас и вашу свиту на берегах добропорядочной и христианской Англии! – Произнес Робер де Клэр – комендант «Пяти портов».

Ланфранк еле заметно кивнул и протянул свою, унизанную перстнями, руку для поцелуя. Робер изобразил что-то

отдаленно напоминающее поцелуй, еле коснувшись губами перчатки архиепископа, встал и произнес:

– Сеньор великий примас Англии! Народ, сеньоры и Витенагемот свободных саксов приветствуют вас и просят незамедлительно приступить к коронации законного и истинного наследника покойного Гийома Завоевателя на престоле Эдуарда Исповедника! Вам будет выеден надлежащий вашему сану эскорт, самые быстрые и горячие кони королевства будут в вашем, монсеньор, распоряжении!

Ланфранк, ничего не зная о действиях Гийома Рыжего, думал только о том, как удобнее сказать сеньорам и прелатам Англии о выборе в пользу герцога Робера. Он рассеянно улыбнулся:

– Спасибо за расторопность, мессир Робер де Клэр! Ваш род не зря уважал и жаловал наш покойный сюзерен – великий Гийом Нормандский.

Робер, еле заметно улыбнулся уголками рта. Ему было крайне интересно увидеть реакцию архиепископа, видимо, не знавшего о событиях последних недель в Англии:

– Монсеньор! Так вы готовы провести коронацию, исходя из воли Витенагемота и народа королевства?

– Да, мессир комендант де Клэр. Я готов, к тому же, я и возвратился домой именно для этого.

Робер еле сдерживал смех, продолжал разговор:

– То есть, Вы хотите сказать, что знаете имя нового сюзерена Англии? Как вы, право, прозорливы и дальновидны,

монсеньор архиепископ!

Ланфранк, в свою очередь, удивился тому, что рыцарь Робер де Клэр осведомлен о результатах недавних выборов в Нормандии. Он высоко поднял голову и, стараясь придать своему голосу наибольшую значимость и торжественность, произнес:

– Собрание высших прелатов нашей католической церкви в Нормандии и Англии, знатные сеньоры, бароны и рыцари королевства и герцогства единодушно постановили – у Англии и Нормандии должен быть один законный наследник! Короны герцогства и королевства должны быть объединены в одну корону, крепко сидящую на одной голове! Голове законного и истинного наследника покойного Гийома Завоевателя!

Робер громко рассмеялся. Он так громко и заразительно смеялся, что слезы выступили на его глазах. Наконец, он с трудом взял себя в руки и, смотря в лицо удивленного и начинающего злиться архиепископа, сказал:

– Право! Как же обрадуется сир Гийом Второй, когда узнает, что ему еще и корону Нормандии передали!

Теперь уже удивляться и смеяться пришлось Ланфранку:

– Ой! Ха-ха-ха! Что это вы говорите, мессир де Клэр! Какой, прости меня Господи, Гийом Второй?! Скорее всего, вы оговорились, желая сказать – сир Робер Первый, Божьей милостью король Англии и герцог Нормандии?

Робер вздохнул, вытер слезы от смеха и старательно про-

изнес:

– Нет, монсеньор архиепископ! Народ, Витенагемот единодушно избрал на престол Эдуарда Исповедника не Робера Куртгёза, а его брата – сира Гийома Рыжего, нового короля Гийома Второго Английского! Это вы что-то недопоняли, монсеньор архиепископ!

Ланфранк хотел, было, что-то резкое сказать в ответ Роберу де Клэр, но, посмотрев на суровые и решительные лица рыцарей, составлявших свиту коменданта, переменил тон:

– Я что – пленник, мессир де Клэр? Меня, что, силой повезут в Кентербери?

Робер сделал простодушное и, якобы, испуганное лицо, пафосно перекрестился, и ответил:

– Упаси меня Господь, архиепископ! Наоборот, мы решили обеспечить вам надлежащую и надежную охрану, чтобы народ Англии вас силком не загнал на кафедру Кентербери! К тому же, среди рыцарей будут и многие знатные саксы, чтобы вы сами убедились в свободе воли народа Англии!

Архиепископ постоял в раздумьях несколько минут, потом деланно улыбнулся:

– Естественно, сеньор Робер де Клэр! Архиепископ и высший примас английской церкви не может идти наперекор воли народа и своей паствы! Почему мы до сих пор медлим, утруждая себя пустой болтовней? Нам надо уже давно сказать во весь опор наших коней, чтобы организовать, как и положено законом и порядком Божьим, коронавание Гийо-

ма Рыжего!

– Христа ради! Давно ждем, монсеньор архиепископ! – Робер поклонился, уступая дорогу Ланфранку, он уже не мог сдерживать смеха победителя, так легко и быстро одолевшего грозного врага.

Архиепископ, окруженный плотным кольцом рыцарей, уже почти дошел до коней, стоящих неподалеку, когда обернулся и спросил у Робера де Клэра:

– Да, чуть не забыл! А где сейчас находится будущий помазанник на царство? В Кентербери или в Лондоне? Может быть – в Винчестере? – В последней фразе Ланфранк попытался съязвить.

– Нет, монсеньор Ланфранк! Его королевское высочество Гийом сейчас осаждает замок и город Рочестер, где засели и укрепились нормандские сеньоры, ошибочно поддерживающие герцога Робера Куртгёза, с которого даже его отец не снял перед своей смертью проклятия! – В свою очередь, не менее язвительно парировал Робер де Клэр.

Ланфранк вздрогнул. Он понял, почему его так долго удерживал в Нормандии герцог Робер Куртгёз. Он кивнул головой. Потом, Ланфранк встряхнул головой, словно что-то отгоняя от себя, взялся за поводья коня, запрыгнул в седло и сказал:

– Вперед! На Кентербери! Нам надо готовить коронацию! Робер де Клэр поклонился и помахал им вслед рукой. Архиепископ понял, что об идее единого наследника можно

забыть. Теперь, короны Нормандии и Англии разделились, разделяя на какое-то время ее народы...

Замок Монтрейль-сюр-Мер на побережье Ла-Манша. Капитуляция короля Франции. 28 сентября 1087 года.

Филипп задумчиво смотрел на волны английского канала, с грохотом и воем накатывающиеся на скалы побережья. Погода внезапно испортилась, подул неприятный, колющий и пронизывающий северный ветер, срывавший красивую пестроту осени с деревьев. Король запахнулся в плащ, подбитый мехом, стараясь укутаться и как можно глубже зарыться в его складки от мерзкого ветра.

– Боже, какой холод! – Поежился Филипп.

Он повернулся к нескольким рыцарям, стоявшим неподалеку от него, и крикнул:

– Беги в замок! Пусть растопят камин и накрывают на стол! Не забудь пригласить ко мне мессира де Немура и камерария Рено де Вильбеона!

От группы отделился рыцарь, который поспешил к лошадям, сел на одну из них и ускакал к замку, высившемуся неподалеку от места прогулки короля.

Филипп согрелся. Он решил немного пройтись пешком по дороге к замку, что подышать свежим морским воздухом и подумать в одиночестве. Рыцари, держа под уздцы ко-

ней, шли немного позади короля. Так, наслаждаясь тишиной, плеском и шумом волн, бьющихся о скалы, Филипп дошел до ворот замка Монтрейль. Охрана приветствовала короля, который прошел мимо них, не обратив внимание. Он был увлечен своими мыслями, мучившими его последние две недели. Не заметив прислугу, кланявшуюся ему, Филипп поднялся на второй этаж дворца и вошел в каминную залу, где его уже ожидали Мишель де Немур и Рено де Вилльбеон. Король сбросил плащ и поприветствовал их:

– Добрый вечер, сеньоры! Рад, что вы быстро собрались на мой вызов!

Советники короля резко вскочили со своих кресел и поклонились Филиппу. Он улыбнулся. Ему нравилось, вот так, внезапно войти в комнату и застать своих приближенных врасплох, наблюдая за их реакциями. Как правило, и это потом подтверждалось – те, у кого были какие-то подозрительно-растерянные лица, оказывались позднее или изменниками, или обычными стяжателями, желавшими погреть руки возле короля. Эти же два сеньора, уже неоднократно перепроверенные Филиппом, были в числе наиболее верных и надежных слуг.

Филипп прошел к столу, плюхнулся в кресло, на сиденье которого слуги заранее положили мягкую подушечку, вяло махнул рукой, разрешая сеньорам сесть, и сказал:

– Ну! Как там, у нас, дела в Англии?

Сеньоры переглянулись, решая кому первым начать. За-

говорил Рено де Вилльбеон:

– Сир. Дела, прямо скажем, не очень...

Рено отвечал, помимо своих прямых обязанностей шамбриэ – казначея и хранителя архива, за службу посланников короля Франции.

Филипп, медленно наливая вино в свой кубок, поднял глаза и спросил:

– Рено! Нельзя ли, подробнее, без твоих вечных туманностей! Говори – как есть, а не виляй хвостом!

Рено покосился на Мишеля, который пожал плечами в ответ – мол, не знаю, сам решай, прокашлялся и продолжил:

– Сир. Гийом захватил, как я уже докладывал ранее, казну в Винчестере, затем Лондон и примыкающие к нему городки и замки. Кроме графства Корнуэл и Уэссекса, не считая «Пяти портов», у него довольно шаткое положение.

Филипп кивнул головой, ухмыльнувшись:

– Вот, можешь, если заставить. Продолжай, разбойник...

Рено замялся, повозился с какими-то пергаменатами, лежавшими рядом с ним, и продолжил доклад:

– К тому же, сир, некоторые бароны из числа нормандцев объявили мятеж Гийому. Их отряды собрались в графстве Рочестер, чей главный город и замок, они сделали центром мятежа. Исходя из последнего донесения, датируемого недельной давностью, к ним периодически приходят пополнения в виде небольших отрядов рыцарей и сеньоров. Во главе мятежа стоят графы Рочестер, Гийом де Эстонвилль –

граф Дэдхэм и Экингтон, Рожэ де Монбрэй – граф Эксхолм и сеньор Мишель де Сэ, владеющий большими поместьями в графствах Кент, Эссекс и Суссекс. Остальные нормандские сеньоры относятся к мелким держателям, которые наиболее всего должны пострадать в случае восстановления Гийомом старых английских вольностей.

– Слушай, Рено, что это за «вольности» такие? – С интересом переспросил Филипп.

Рено улыбнулся и продолжил:

– Сир. Эти «вольности» – просто свод старинных саксонских кутюмов, которые утверждали короли Датской и Кердической династий. Кнут, Этельред, Этельберт и Эдуард Исповедник. Местные саксы цепляются за них, прежде всего, из-за послабления в лесном и рыболовном кодексе, которые стали очень суровыми при царствии Гийома Завоевателя, переиначившего все законодательство Англии на наш, франкский манер. Вы же знаете, сир, что кутюмы герцогства Нормандия одни из самых суровых в королевстве, они упрочивают и поддерживают власть герцога, делая из него абсолютного самодержца.

– Да. Мне бы такие кутюмы для своего домена... – Филипп мечтательно закатил глаза. Потом, встряхнул головой, прогоняя наваждение, и сказал:

– Ладно! Все ясно с этим восстанием! Полнейшая ерунда! Гийом, рано или поздно, придушит их в замке Рочестер, тем более, что английское ополчение и местные князья поддер-

живают его избрание. Не так ли?

Рено кивнул:

– Именно так, сир. Только...

Король нахмурился:

– Что «только»?

– Князей они называют на манер саксов – «эрл» или «тан».

– Какая, хрен, разница! Эрл! Тан! Да, хоть – «тын»! Лишь бы они подольше поддерживали анархию в Англии! Надо, как-нибудь, исхитриться и стравить братьев между собой! Только, нам самим лучше остаться как в стороне! Не дай Бог, папа Римский, что-нибудь учует своим длинным носом – опять нам краснеть и отдуваться придется!

Рено согласился с мнением короля:

– Да, сир! Мы уже, приблизительно, рассчитали возможные ходы Гийома и Робера на ближайший период!

Филипп с иронией в голосе сказал:

– Ох, геометры вы мои! Рассказывайте, что вы там насчитали...

Рено и Мишель переглянулись. Рено незаметно толкнул под столом ногой де Немура. Мишель кашлянул и начал доклад:

– Значит так, сир. Первый вариант. Гийом коронуется в Англии. Бароны продолжают восстание. Он конфискует их земли, увеличивая недовольных в Нормандии, ибо все они приедут к Роберу. Гийом ослабляет законы, утвержденные его отцом. Нормандские сеньоры, поддержавшие его, в кон-

це концов, будут сильно ущемлены. Саксы же, наоборот, укрепят свои позиции и попытаются начать диктовать свою волю Гийому. В итоге – война. Война кровавая и долгая.

Филипп кивнул головой:

– Нормально. Дальше...

Мишель продолжил:

– Второй вариант. Он, еще увлекательнее, сир!

Филипп засмеялся:

– Слушай, Мишель! Ты мне не сказку рассказываешь...

– Продолжаю, сир. Гийом коронуется, давит мятежников при помощи саксов, обещая им «горы золотые», конфискует имущество мятежников. Потом, укрепив свою власть и силу новыми фаворитами и ставленниками из числа, опять-таки, нормандцев и франков, Гийом «забывает» о своем обещании вернуть английские вольницы. Наоборот, он усиливает законодательство, увеличивая и увеличивая налоги, сборы и подати. И нормандцы, и саксы, в итоге, с «носом» и недовольны. Робер может попробовать вторгнуться в пределы королевства. Мы можем оказать «поддержку» ему, но только, негласно. Финансами, к примеру! Взамен короны Англии, мы можем попросить у него часть герцогства Нормандия или все целиком, если война затянется, и потребуются новые деньги...

– А, без денег, можно получить герцогство? – Засмеялся Филипп.

Он выпил вино, оторвал кусок утки, зажаренной с ябло-

ками, и принялся жевать. Мишель вздохнул, продолжая:

- Можно, сир, и без денег попробовать...
- Как?! – Филипп чуть не подавился куском утки.
- Если, к примеру, война будет вялотекущая, Гийом замордует своих подданных, пока...
- Так! Продолжай!..

– Пока, кто-нибудь. Скорее всего – из местных жителей, из англичан не решится на «резкое телодвижение»...

Филиппа осенило. Он хлопнул себя по лбу и крикнул:

– Обалдеть! Стрела! Вторая часть пророчества покойного Гийома Завоевателя! Вот – это, именно то, что нужно!

Мишель и Рено переглянулись. Они редко видели своего флегматичного, спокойного Филиппа таким оживленным. Он, самое большее – мог едко подшутить, язвительно поправить. Но, чтобы увидеть короля, оживленно размахивающим руками, чтобы его глаза горели, как у молоденького парня в предвкушении первой ночи любви! Такого короля они не видели давно! Очень давно.

Мишель виновато кивнул, вжав голову в плечи:

– Сир! У нас такое мнение, что, вряд ли кто-нибудь из англичан или нормандцев, как бы они не возненавидели своего короля, решится на такой поступок! Убить помазанника Божия! Вряд ли, сир! Вы сами знаете, сир, как уважают «честь» и «тело» сюзерена во Франции! Никто не решится убить короля! Даже – в Англии!

Филипп посмотрел на де Немура. Ему нравилось, когда

его подданные не боялись говорить в лицо правду, отстаивать свое мнение, особенно, если оно не совпадает с мнением короля.

– Молодец, де Немур! Вот так, прямо в глаза своему сюзеру! Молодец! Тогда. А! тогда мы «поможем» Гийому Рыжему и осуществим вторую часть пророчества!

– Но, сир... – смутился де Немур.

– Когда время придет, де Немур, не раньше...

Филипп замолчал и стал сосредоточенно, словно он не кушал долго, есть утку. Он оторвался от еды и кивнул советникам, чтобы они не стеснялись. Немур и Рено де Вилльбеон присоединились к королю, поделив с ним ужин. Слуги принесли еще жареного кабанчика, три кувшина с вином, оленину и фрукты. Филипп веселился, шутил, подначивая своих подданных. Его острые шуточки, к которым привыкли де Немур и де Вилльбеон, были сальные и острые. Филипп был сегодня в прекрасном расположении духа, он, словно, сбросил с десяток лет, снова став молодым, задорным и горячим юношей.

«Да. Воистину, наш король – удивительный человек. – Подумал Рено де Вилльбеон, глядя на Филиппа. – С виду – обычный обжора, бабник и самодур. Брюзга, циничный, до идиотизма, любит издеваться над людьми, высмеивая их ошибки и пороки. Но, вместе с этим, любит безумно своего семилетнего сынишку Людовика. Просто души в нем не чает! Но, вместе с этим, страшный человек, абсолютно бес-

сердечный, отталкивающий своим поведением, пренебрежением к людям, завистливый и нежный одновременно! Как, столько всего – абсолютно разного, могло уместиться в одной душе?»

Замок Рочестер. Англия. 30 сентября 1087 года.

Гийом Рыжий стоял на холме и смотрел на горящий Рочестер. Английское ополчение «фирд» прорвало внешние укрепления и ворвалось в гнездо мятежа. Нормандцы укрылись в цитадели города – большом и хорошо укрепленном замке Рочестер, донжон и куртины которого недавно отстроил сам Гийом Завоеватель. Сеньор Гуго де Рочестер, Гийом де Эстонвилль – граф Дэдхэм и Экингтон, Рожэ де Монбрэй – граф Эксхолм и сеньор Мишель де Сэ стояли возле главных ворот замка, пропуская внутрь отступающих нормандских рыцарей. Несколько рыцарей, среди которых были сеньор Годфруа де Сент-Лежэ, Робер де Ландэ, Ришар де Курси и Николя де Мальмон со своими воинами прикрывали отход повстанцев, рискуя своими жизнями. Они прекрасно видели, как саксы в пылу боя не щадили нормандцев, мстя им за старое поражение при Гастингсе и вымещая на них накопившуюся злобу.

Гуго де Рочестер, крепкий и высокий нормандец пятидесяти лет, был одет в крепкую кожаную двухслойную броню, в прошитых квадратах которой находились стальные пла-

стинки. Такой же, но немного полегче, кожаный подшлемник был надет на его голову и спускался на плечи, широкие, как у быка. Голову Гуго де Рочестера украшал конический шлем с большим наносником, прикрывавшим половину лица. Большой нормандский щит в виде обратной капли был украшен гербом графства, грубо намалеванный его слугой-саксом. Гуго положил на плечо большой длинный меч, явно германской работы, ожидая подхода соратников. Понимая, что враги уже приближаются к замку и можно не успеть закрыть ворота и поднять мостик, Гуго де Рочестер крикнул:

– Все, мессеры! Отступаем в шато! Видимо, так решил Господь! Наши товарищи уже не успеют! Враги крепко «сидят» на их шее! Надо укрываться в шато!

Мишель де Сэ, одетый в практически похожие кожаные доспехи, крикнул Гуго:

– Граф! Может быть, мы пойдем в контратаку и отобьем товарищей, вырвав их из рук кровожадных саксов?

Гуго кисло кивнул головой:

– Нет, Мишель, это бесполезно! Мы можем потерять замок! Отходим внутрь! За ворота, сеньоры! Эй, наверху! – Гуго поднял голову, посмотрев на надвратную башню. – Поднимайте мост, бездельники!

– Послушай, Гуго! Неужели мы бросим принца Анри одного, среди разъяренных саксов? – Вскрикнул Ришар де Курси.

Буквально, несколько дней назад, к ним в Рочестер при-

ехал младший сын покойного короля – принц Генрих, которого все по привычке называли на французский лад «Анри». Сегодня же, в пылу боя, принц затерялся среди рыцарей, прикрывавших отход основных сил нормандцев в замок.

– Бесполезно! В этой суматохе боя трудно будет найти принца крови! К тому же, мы потеряем время, позволив врагам ворваться через ворота, открытые настежь! Всем в замок! – Ответил Гуго де Рочестер.

Рыцари и их воины, ошетилившиеся копьями, отступили внутрь замка, закрыв ворота и подняв мост. Они это сделали во время, так как саксы уже приближались и начали издали обстреливать нормандцев из луков. Несколько воинов из отряда Гуго де Рочестера упали в ров, раненые или убитые стрелами.

– Вот, как раз, вовремя успели! – Переведя дух, произнес Ришар де Курси, вытирая пот, текущий по его лицу. – Еще пару минут – «привет родителям» могли лично передать, но пронесло, слава тебе Господи!

Сеньоры засмеялись образному выражению мессира Ришара, и пошли на стены...

Гийом Рыжий стоял на холме. Он широко расставил ноги, обутые в крепкие сапоги, сшитые из толстой буйволиной кожи. Голенища сапог были проклепаны металлическими пластинками. Такие же пластинки, только меньше размером, прикрывали носки его сапог, защищая пальцы ног. Длинная, почти до середины икр, кольчуга была сплетена из трех слоев

тонких стальных колечек, переливаясь отполированной сталью в лучах заката. Гийом был буквально обогрен кровью заката, багровый цвет которого окрасил его шлем и меч, искрился на звеньях кольчуги. Он, словно, купался в крови, смотря на смерть многих нормандцев, верой и правдой служивших его отцу, завоевавших для него Англию. Теперь же, эти несчастные рыцари подверглись страшной и беспощадной резне разъяренных англосаксов, бившихся с ними на узких улочках Рочестера. Свой большой нормандский щит с львами Завоевателя Гийом прислонил к левой ноге. Меч король Гийом не вынимал – он висел в богатых ножнах. Его шлем украшала маленькая корона, которую ему успели изготовить местные ювелиры.

В это время, возле главных ворот города произошла какая-то заминка, похожая скорее на панику, чем на заминку. Гийом присмотрелся и увидел, как с десятков рыцарей верхом на конях и в полном боевом вооружении с остервенением и обреченностью пытались пробиться сквозь плотные ряды пехоты саксов, рвущихся через мост в город. Его глаза сузились, руки сжались в кулаки. Гийом смотрел, как отважные рыцари пытались вырваться из окружения. Они прекрасно понимали, что у них не было практически ни единого шанса выйти живыми из пылающего Рочестера. Но, они решились на красивую и мужественную смерть. Гийом Рыжий, сын великого Завоевателя сам был хорошим воином, он ценил мужество, доблесть и рыцарскую честь. Сегодня же, он

стал свидетелем неопишемого – он смотрел на смерть своих подданных, своих земляков, своих знакомых, с многими из которых он бился плечом к плечу в походах своего отца.

Гийом не выдержал. Он вскочил на своего боевого коня белой масти и, выхватив свое родовое знамя из рук знаменосца, находившегося неподалеку от него, поскакал к рыцарям.

Нормандцы медленно, но неуклонно продвигались вперед, давя и топча саксов. Противник пытался копьями задеть или приостановить рыцарей – этих железных машин убийства, с детства учившихся только одному делу – войне. Неопытным пехотинцам, многие из которых были оторваны решением Витенагемота от сохи, было нелегко сражаться с профессиональными воинами. Но, количество, в конце концов, может и одолеть качество. Рыцари, теряя одного за другим, стали медленно пятиться на своих конях...

Саксы приободрились и с криками бросились на рыцарей, как стая охотничьих собак на вепрей. Гийом прискакал как раз в то самое время, когда силы уже практически оставили рыцарей. Он выскочил на мост и, высоко подняв родовое знамя над собой, крикнул:

– Остановитесь! Именем вашего покойного короля-герцога и моего отца, Гийома Завоевателя! Остановитесь!

Рыцари, услышав эти слова, остановились. Саксы, увлекшись азартом боя, накинулись на них, свалив многих с коней.

Гийом выхватил меч и стал рубить им саксов, не выполнивших его приказ. Вокруг Гийома образовалась пустота – саксы отступили. Гийом подъехал к рыцарям, соскочил с коня и подал руку одному из них, лежащему на мосту:

– Вставайте, благородный шевалье! Я – Гийом, сын Гийома Завоевателя! Я ценю смелость, храбрость, отвагу и честь рыцарства! Вы все – свободны! Вы можете возвратиться в шато Рочестер! Вы свободны! Вы можете покинуть поле боя! Никто не станет вам угрожать или нападать на вас! Принесите мне присягу или уезжайте в Нормандию к моему брату Роберу, чью сторону вы держали сегодня!

Рыцарь поднялся, держась за руку Гийома. Он снял свой шлем и сказал:

– Мы – Годфруа де Сент-Лежэ, Робер де Ландэ, Ришар де Курси и Николя де Мальмон и наши рыцари просим у вас соизволения отпустить нас к нашему повелителю – вашему брату Роберу. Мы уезжаем в Нормандию.

Он повернулся к своим товарищам, находившимся позади него. Рыцари молча кивнули ему в знак согласия с его словами. Рыцарь сел на коня, поправил свое вооружение и сказал:

– Меня зовут Гийом де Ла Фертэ, мессир Гийом. Я вассал герцога Нормандии. Мессир Робер сейчас стал новым герцогом – я принадлежу ему...

Гийом Рыжий стоял и молча слушал слова нормандского рыцаря. Он прищурился и сказал:

– Сеньоры! Я уважаю ваше право выбирать себе сюзерена в это смутное время. Но, я не одобряю ваш мятеж, направленный против моей особы! Если вы уедете из Англии, я буду вынужден конфисковать ваши английские поместья.

Рыцари молчали. Внезапно, из их рядов выехал крепкий пожилой нормандец, который сказал:

– Я – шевалье Николя де Мальмон! Мы все решили отбыть в Нормандию, сир! Простите нас и отпустите с миром.

Гийом кивнул:

– Хорошо! Я уважаю ваше решение! Мало того, из любви к своему народу, прошу вас вернуться в шато Рочестер и передать мои слова: Все рыцари и сеньоры, кто желает вернуться в Нормандию, могут выйти с оружием и при знаменах из шато! Я обеспечу всем вам надежную охрану из числа верных мне нормандских сеньоров и их рыцарей! Они будут гарантами вашей безопасности в Англии!

Николя де Мальмон поклонился Гийому, не слезая с коня. Он развернулся и, прищпорив коня, поскакал к замку. Рыцари вместе с Гийомом поднялись на холм, где сын Завоевателя угостил их вином. Через три часа ожидания, из главных ворот Рочестера вышли части повстанцев. Они ехали по трое в ряд длинной колонной. Знамена сеньоров были развернуты. Нормандцы, проезжая мимо Гийома Рыжего, трубили в боевые рога и поднимали копья в воздух. Несколько рыцарей проехали мимо Гийома, понуро опустив головы под шлемами с металлическими глазницами и наносниками.

«Переживают свое поражение...» – Гийом Рыжий учтиво, но холодно поклонился уходящим рыцарям. Восстание было подавлено практически бескровно. Англия теперь полностью отдалась в цепкие руки Гийома, словно трепетная девушка в руки мужчины.

Впереди у Гийома была коронация в Кентерберии. Впереди у Гийома было обещание отменить многие законы его отца и вернуть былые вольницы саксам.

Гийом улыбнулся, потирая руки. Он уже решил для себя, что не уступит ни крохи саксам. Для этого, он выдал из казны Винчестера несколько больших мешков золотых и серебряных марок своему преданному слуге – Ранульффу Фламбару, человеку низкого происхождения, но верного – словно пес.

«Ранульф уже должен быть во Фландрии. – Думал Гийом, смотря вслед уходящим рыцарям. – Там он завербует мне наемников, с ними мне станет легче свернуть шею саксам и разогнать, к чертовой матери, Витенагемот!»

Сын жестокосердного Завоевателя, казалось, впитал в себя только цинизм, жестокость и тщеславие. Вместе с этими пороками, Гийому Рыжему были не чужды и другие эмоции – переживание, уважение к храбрости врага, но, и это, пожалуй, самое главное – умение ценить преданность и верность.

Вот и сейчас, стоя на холме, окруженный своими новыми фаворитами, Гийом смотрел вслед удалявшимся нормандским рыцарям, завидуя своему брату Роберу.

Он кисло ухмыльнулся, подумав про себя:

«Да. Странно, как же везет моему братцу Роберу на благородных и, самое главное, верных людей. – Он посмотрел на воинов, окружавших его. – Сколько, интересно, среди них – таких же верных, честных и преданных присяге людей? Или, среди них только одни проходимцы и стяжатели? Да. Править страной – не кольчугу ковать...»

Мысли его прервались, когда к нему подошел невзрачный монах, который поклонился и прошептал ему на ухо:

– Сир. Мессир Гуго де Биго шлет вам свой поклон из Нормандии. Он сообщает вашему величеству, что герцог Робер подавлен, расстроен и растерян известиями, приходящими из благословенной Англии.

– Спасибо. Пошел прочь... – Гийом отмахнулся от него рукой, как от назойливого слепня, мерзко жужжащего летом над ухом.

«Да. Действительно – меня окружают одни уроды. – Решил он. – Тот же самый де Биго. Это же надо, быть таким двуличным! Скорее всего, этот Гуго старательно прикрыл свою личину маской, служа мне и моему брату. Он, сволочь такая, стравил нас, столкнул лбами, словно двух баранов. А сам, стоя в сторонке, наблюдает – чей лоб треснет первым, чтобы потом прийти к победителю и ненавязчиво намекнуть ему на свое, очень важное и без сомнения, как он будет думать, решающее участие в победе. Скотина двуличная! Боже! Как же я завидую сейчас Роберу! Меня окружают, скорее всего, только одни «Гуго»! А в окружении Робера – одни, вот

такие же, как эти рыцари, верные и честные нормандцы!»

В это время к будущему королю Англии подошли знатные саксы, поддержавшие его с первого дня высадки в Англии, во главе которых стоял Седрик – эрл части земель Корнуолла. Седрик шел, высоко подняв голову, в его движениях вдруг стала сквозить некоторая развязность.

«Смотрите-ка, наш Седрик высоко взлетел, он «расправил свои крылышки», которые мой папаша так неосмотрительно ему не подрезал. – Незаметно, но едко в душе, усмехнулся Гийом Рыжий. – Он, что, думает – ему теперь все можно? В том числе и подходить в таком наглom виде ко мне? Ладно, пес саксонский, я научу тебя манерам!»

Седрик подошел к Гийому, вместо почтительного поклона лишь коротко и несколько небрежно склонил голову.

«Пес! А почему колено не согнул? Ладно! Я потерплю немного! Зато потом, я согну всех вас в «бараний рог»!» – Заметил про себя Гийом Рыжий, но, вслух, произнес:

– Здравствуй, благородный Седрик. Как наши дела?

Седрик, изобразив на лице сердитое выражение, ответил:

– Мессир Гийом! Нас – саксов сильно возмутило ваше действие, позволившее ускользнуть грязным нормандским псам из лап священной мести!

«Ах! Вот, значит, как ты заговорил при мне, животное! «Грязные нормандские псы», а меня – сына Завоевателя, от упоминания которого у вас делался кровавый понос, ты осмелился назвать «мессиром»! Великолепно! Мерзкое сак-

сонское чудище! Подожди, порадуйся еще немного! Скоро, очень скоро, я загоню вас всех в гнилые и глинистые болота Старой Англии, сделав из вас бесправных и бессловесных рабов!»

– Ой! Что мне послышалось, эрл Седрик! Вы, видимо, оговорились, назвав меня «мессир»? – Гийом старательно сделал вид, что не расслышал других, не менее оскорбительных для его нормандского уха и сердца, слов. – Кстати! А где положенное коленопреклонение, эрл Седрик? Или, может быть, кто-то уже отменил кутюмы моего отца?

Седрик замялся, потом преклонил колено перед Гийомом.

«То-то же, скотина...» – Отметил свою небольшую «победу» Гийом, сказав:

– Эти сеньоры, которых я изволил отпустить, верные, честные и благородные рыцари, служившие еще моему отцу! Не в моей воле! Тем более – не в твоей, воле удерживать их! А то, что я их остановил. Мне просто стало жаль своих верных ополченцев из «фирда»! Я не уверен, что славные нормандские рыцари, перед тем как умереть героями, не прикончили еще с сотню крестьян. Хотя, мне кажется, они бы уложили больше сотни! Две сотни!

Седрик молчал, его лицо сделалось пунцовым от гнева. Гийом смотрел на него с еле заметной улыбкой превосходства на своем лице:

– Теперь же – о главном! Вам надлежит убить с частью

ополчения на север Англии. В Нортумберленд! Ближе к границам с Шотландией. Поговаривают, что местные жители пытаются войти в тайные сговоры с королем Шотландии. Кстати, присмотритесь там, милорд Седрик, мне кажется, что должность и титулы графа и наместника вам не помешают, в случае хорошего исхода дел.

Гийом, естественно, соврал. Он и не думал о том, чтобы наградить Седрика за усердие.

«Пусть проваливает с глаз моих. Пока, к несчастью, я еще не король, у меня слишком мало сил...» – Подумал Гийом.

«Испугался! Да. Он испугался меня и моих верных саксов. Вот, сейчас он меня одаривает, думает – сможет купить! Хорошо. Пусть дает мне земли и титулы! Неужели, о Господи, у меня появится призрачный шанс вернуть корону Англии в саксонские руки? Неужели, есть возможность возврата *Кердикской династии*?» – в свою очередь, думал Седрик, глядя на Гийома.

Он встал, учтиво поклонился и спросил:

– Когда мне ехать, сир?

Гийом наклонил голову к плечу, почесал ляжку и ответил:

– Немедля, эрл Седрик! Немедля ни минуты! Я понимаю вас, мы известим вас о времени коронации. Нам желательно, чтобы меч Англии нес кто-нибудь из саксов, лучше – если это будет верный нам человек из Кердикской династии. – Гийом, словно предугадывал часть мыслей Седрика, заставив его вздрогнуть. – Нортумбрия вас ожидает, милорд Сед-

рик Корнуоллский!

Гийом стоял и с тайным злорадством наблюдал, как уходит, спеша к своим частям, самонадеянный и тщеславный эрл Седрик. Когда он уехал, Гийом Рыжий подозвал к себе мессира Гоше де Обиньи и тихо произнес ему:

– Гоше! Будь готов, сразу же после моей скорой коронации, выехать на север и принять командование войсками Седрика. Повод, думаю, он нам сам предоставит. С тобой будут проверенные рыцари и, скорее всего, брабантские или фламандские наемники. Если что – можешь и... – Гийом сделал жест, проведя рукой по шее.

Гоше де Обиньи молча кивнул. Он был немногословным нормандским сеньором, младшим сыном графа Жана де Обиньи. Ему мало, что светило в жизни, кроме скитаний. Вот, он и решил верой послужить молодому сыну Завоевателя в надежде на обогащение. Гийом прекрасно понимал его цели, ничего не имея против верной и преданной службы...

– Так. Мне кажется, что пора выехать в Кентербери. Там, наверное, уже заждался меня монсеньор Ланфранк! Его руки порядком вспотели, держа корону Эдуарда Исповедника. Пора мне облегчить его ношу. – Гийом рассмеялся, так пронзительно и задорно, что Гоше, как и многие другие нормандские сеньоры, не выдержали и стали смеяться вместе с будущим королем Англии.

Гийом собрался уже идти к коням, но, внезапно вспомнил что-то важное, вылетевшее у него из головы. Он повернулся

к нормандским сеньорам и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.